

Девушка любит
парня,
а он любит...

Герой
моего
романа

Айкен Куатбаева
Герой моего романа

«Издательские решения»

Куатбаева А.

Герой моего романа / А. Куатбаева — «Издательские решения»,

Провинциальная девушка Катя приезжает в Москву поступать в институт и останавливается у своего бывшего соседа Кирилла по деревенскому дому, в которого она влюблена с юности. Кирилл — яркая, незаурядная личность, главный редактор популярного журнала. Любовь Кати к Кириллу сталкивается с непреодолимым препятствием: у него есть некая особенность...Выражаю особую благодарность Диане Суюншалиной, без которой эта книга не была бы написана.

Герой моего романа

Айкен Куатбаева

© Айкен Куатбаева, 2016

© Валентина Гредина, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Уже почти час шла запись новой телевизионной программы «Наше поколение», где гостями были победители прошлого года в конкурсе молодых деятелей искусств и средств массовой информации – поэтесса Наталья Латвина, художник Константин Гришин и главный редактор популярного молодежного журнала «54» Кирилл Гордеев. Они расположились на сцене ярко освещенной останкинской телестудии в больших уютных креслах: поэтесса в центре, молодые люди – по обе ее стороны. Программа была новая и для ведущего это был первый выход в эфир. Поэтому он, видно было, волновался больше, чем его гости. Передача шла скучновато. Зрительный зал, наспех собранный, реагировал вяло. Все потуги ведущего оживить передачу не приводили к ожидаемому результату.

Поэтесса была неожиданно красивая, с изысканными манерами, но все время пользовалась многозначительными выражениями, аллегориями, излагая мысли многословно и малопонятно. Видно было, что это несколько раздражало публику, но некоторых будоражило. Художник, напротив, отвечал на вопросы односложно, просто и ясно. Но именно поэтому диалог с ним казался неинтересным. Зато когда дело доходило до Кирилла Гордеева, зал заметно оживлялся. И не только потому что он привлекал внимание как главный редактор самого модного молодежного журнала, который за очень короткий срок охватил умы юношества по всей России, но еще и потому, что его высказывания были неординарными, яркими и довольно вызывающими. К тому же он был необыкновенно интересен внешне: его утонченная статья была облачена в супермодные одежды, современная прическа была тщательно уложена, смуглое матовое лицо Гордеева было тонким и нервным, с красиво очерченным ртом, прикрывающим ослепительно белые зубы. Общий облик завершали очки с затемненными стеклами. Его поклонники знали, что под этими очками скрываются неестественно светло-карие, почти желтые, глаза под дугами красивых темных бровей.

Кирилл сидел со скучающим видом, изредка поглядывая на часы. Он никуда не торопился, но передача ему уже давно надоела и он никак не мог дождаться конца этих мучений в жарком помещении студии. К тому же, ведущий программы был глубоко антипатичен ему, что он не только не старался скрыть, но всем своим видом и своими интонациями демонстрировал это. Впрочем, он ясно сознавал, что ведущий испытывал к нему те же чувства.

– Кирилл, а почему вы свой журнал назвали «54»? Есть ли какая-то история за этим названием? – Обратился ведущий к Гордееву.

– Мне так часто задают этот вопрос, что я думаю, любой человек в этом зале может ответить на него... например наши гости... – нехотя ответил он и посмотрел в сторону поэтессы и художника.

Ведущий понял, что это очередная провокация Гордеева, бросился спасать своих гостей, потому как они, скорее всего, не были читателями журнала «54» и не были особыми поклонниками главного редактора, а, стало быть, сходу не смогут ответить на этот вопрос.

– Если вы не знакомы с историей этого названия, то можете выразить свою собственную версию почему журнал мог быть так назван, – сказал ведущий, обращаясь к поэтессе.

Наталья Латвина ответила в свойственной ей манере:

– Я допускаю, что эти цифры могут означать символ бесконечности божества... – при этом она развела руки и закатила глаза.

– А как бы вы интерпретировали название журнала? – Обратился ведущий к художнику.

– У меня единственная версия – ассоциация с названием некогда очень популярного клуба в Америке «Студия 54», где собирался бомонд американской поп-культуры того времени, – по обыкновению скромно ответил Константин Гришин.

Ведущий успокоился от того, что этот поворот событий не смутил приглашенных и они достойно нашли, что ответить и обратился уже к самому Гордееву:

– Какова же все-таки ваша версия? Почему вы назвали журнал «54»?

– Мне однажды приснился сон, в котором я отчетливо увидел две большие цифры – круглую, пузатую пятерку и прямоугольную, похожую на перевернутый стул, четверку. Мне показалось, что будет очень выигрышно, если на обложке нового журнала будут красоваться эти знаки.

Ведущий в очередной раз испытал неловкость от ответа Гордеева, который всякий раз как будто закрывал тему и не давал ее развить, а следовательно нужно было выходить из положения, обращаясь к другому участнику передачи.

– Что для вас самое главное, самое важное в жизни? Чего бы вы хотели больше всего? – Задал очередной вопрос ведущий и посмотрел на Наталью Латвину.

Поэтесса томно прикрыла глаза и, растягивая слова, ответила:

– Самое главное и самое важное в жизни это сама жизнь. И я бы хотела внутренне, глубоко осознать, усвоить и принять жизнь как таковую таковость...

«Таковая таковость» – мысленно повторил Кирилл последние слова поэтессы и усмехнулся. «Ей, наверное, никогда не скучно с самой собой, если любая простая вещь облекается в такие фразы» – подумал про себя Кирилл. Пространные и малопонятные речи поэтессы Кириллу напомнили строчки из китайской поэзии:

Ша-ша-ша – падали листья,
Тын-тын-тын – бежала обезьяна...
И уже от себя мысленно добавил:
Бля-бля-бля – надоела передача.

– Для меня самое главное в жизни быть востребованным, – сказал художник и, увидев выжидающий взгляд ведущего, добавил: – Быть востребованным во всем – в любви, в работе, в творчестве, друзьями...

– А вы что хотите больше всего в жизни? – обратился ведущий к Кириллу.

– Любить и работать... – неожиданно просто ответил Гордеев, чем явно смутил ведущего, который, видимо, ожидал от него более замысловатого ответа.

«Да, именно любить и работать», – Кирилл сам себе удивился, что вдруг так коротко и просто, но очень точно сформулировал собственное жизненное кредо.

Зависла короткая пауза. Ведущий опять явно был загнан в тупик таким ответом, но тут накопленная неприязнь к Гордееву вдруг из него выплеснулась в вопросе:

– Кирилл, скажите, вы всегда и везде такой пафосный, амбициозный и парадоксальный? Не кажется ли вам, что можно было бы иногда быть более естественным?

И тут вдруг Кирилл снял очки и исподлобья долгим взглядом посмотрел на ведущего своими светлыми на смуглом лице глазами. Зал оживился в ожидании чего-то интересенького. Потом Кирилл снова надел очки и обычным высокомерным тоном начал:

– Я пришел сегодня в студию на съемки передачи, где много света, много зрителей. Я соответственно оделся в красивые тряпки. Уложил волосы гелем, побрызгал лаком. Надел супермодные и очень дорогие очки без диоптрий, зная, что на меня будет направлена камера и меня увидит огромное количество телезрителей. Вы ведь, я смотрю, тоже причесочку

наладили – начесали и залакировали свой чуб? Стало быть, вы понимали, что нужно соответствовать ситуации – на съемки все-таки пришли?! А дома я другой. Живу часто один, хожу в трусах с нечесаной головой. Пафос давать не перед кем, амбиции мои домашняя утварь не воспринимает. А насчет вашего совета стать естественным, так на это мне просто насрать!.. – хладнокровно, не повышая голоса, закончил Кирилл.

Все присутствующие, включая зрительный зал, участников и, конечно, самого ведущего, впали в оцепенение.

И тут Кирилл поднялся и направился к выходу. Пересекая сцену по диагонали, он поравнялся с ошарашенным ведущим и вдруг с силой толкнул его. Ведущий смешно дергая руками отлетел и упал к ногам впередисидящих зрителей. Гордеев наклонился к микрофону, сказал:

– Чтобы не было так скучно, – и двинулся дальше.

Уже на пороге выхода из студии его догнала ассистентка, дернула за рукав и промямлила:

– Съемки еще не закончены...

Кирилл даже не оглянулся, только бросил сквозь зубы:

– Смонтируете как-нибудь.

На неожиданное падение ведущего зал сначала охнул, потом повисла секундная пауза сметения, затем раздался одинокий смешок и короткий хлопок, к которому постепенно стали присоединяться все более активный смех и хлопки остальных зрителей. Когда Гордеев выходил из студии, его уже сопровождали хохот и овации публики.

Выйдя из душного помещения студии на улицу, Кирилла обдал легкий ветерок летнего дня. Сев в машину, он снял пиджак и посмотрел на часы. Было начало четвертого вечера. Только-только яркий световой день стал переходить в свою послеобеденную пору. Не зная как распорядиться временем до вечера, Кирилл некоторое время не заводил машину. Усталость, накопленная за последние несколько дней из-за сдачи очередного номера журнала, начала сказываться только сейчас. Он не спал эту ночь, мало спал предыдущие, а кроме того, после отправки материала в Финляндию, где печатался журнал, редакция по традиции отметила сдачу номера. Они уже с утра выпили шампанского, поэтому, собираясь на съемки, Кирилл глянув на себя в зеркало, решил надеть на передачу очки. Теперь, когда напряжение сошло, ему хотелось развеяться. В клуб в такое время ехать было бессмысленно, жизнь там начиналась после десяти вечера. Значит надо ехать домой отдохнуть.

Запикал телефон. Кирилл достал его и прочел сообщение: «Ты опять был великолепен. Я не перестаю тобой восхищаться. Жаль, что передача, наверное, выйдет в эфир без эффектного скандального конца. Что должно произойти, чтобы я разочаровалась в тебе? Виолетта.»

«Что за маньячка? Дам тебе однажды по морде, вот и разочаруешься», – ответил про себя он.

С некоторых пор некая девица по имени Виолетта стала его преследовать, причем весьма своеобразно. Он ощущал, что она бывает почти везде, где бывает он и она всегда в курсе всех событий его жизни. При этом, слава богу, она ни предпринимает силовых действий. Она не разу не попыталась познакомиться с ним лично. Только истязает его телефон смсками и рабочий автоответчик сообщениями, чем очень веселит его редакционную команду. Кирилл часто раздражался на эти текстовые преследования. На этот раз смска почему-то слегка приподняло настроение Кириллу. Он завел машину и нажал на газ.

Подъехав к дому, он выглянул из окна машины и оглядел здание. Вот уже больше двух месяцев, как он купил квартиру, после семи лет мытарств по общежитиям и съемным углам.

Вспомнив про четыре года проживания в общежитии МГУ, где он учился на журфаке, потом год в общежитии ВГИКа, где он закончил Высшие режиссерские курсы, а затем вереницу старых грязных московских квартир, которые он снимал уже работая, Кирилл слегка передернуло. Теперь он каждый раз подъезжая к дому, где находилась его собственная квартира, испытывал тихую радость и умиротворенность от бытовой устроенности.

Поднявшись на свой этаж и войдя в квартиру, тут же от хорошего настроения не осталось и следа. С порога прихожей Кирилл стал закипать от раздражения от разбросанных туфель и домашних тапочек. Пройдя на кухню, он даже не стал заглядывать в холодильник, зная, что ничего там не найдет. Гора немытой посуды, остатки еды и крошки на столе усилили раздражение. По тишине в квартире, Кирилл уже понял, что Артема дома нет и все же он прошелся по всем трем комнатам, чтобы убедиться в этом. Ему ничего не оставалось, как только принять душ и прилечь отдохнуть. Обессиленный от усталости, расстроенный от неприбранности в квартире и отсутствия Артема, Кирилл упал в кровать в спальне и тут же уснул.

Разбудил его длинный телефонный звонок. Очнувшись, он долго не мог нащупать трубку. Ему пришлось встать и поискать ее по дому. На базе телефонной трубки не было. Он глянул на часы – они показывали полпятого – Кирилл даже не сразу смог определить ночи или дня. Телефон продолжал длинно звонить. Наконец, он нашел трубку, включил ее и вернулся в постель.

– Да, да, мам, это я. Я еще сплю. Как вечер? Сейчас половина пятого, – и только теперь до Кирилла дошло, что он проспал почти сутки.

Мама звонила редко, потому что в поселке, где она жила, в Москву можно было позвонить только с почты, предварительно заказав разговор. Поэтому, обычно мама писала ему письма. Сам же Кирилл почти никогда на эти письма не отвечал, предпочитая дожидаться очередного телефонного звонка из дома. Но даже редкие звонки матери его часто раздражали. Мать он, конечно, любил, заботился как умел, чаще всего высылая деньги и подарки. Но в общении с ней не нуждался. Она была уже старая, так как тридцатилетний Кирилл был ее позднорожденным ребенком, и дело было даже не в возрасте, а в том, что она всю жизнь прожила в глухом поселке под Иркутском и взаимопонимания они уже найти не могли. Знать, что она здорова и сыта, вот все, что Кириллу было нужно. Мать же жила только думкой об единственном сыночке и, конечно же, звоня, доставала его невыносимыми, на его взгляд, разговорами. Он не так давно с телеграфным переводом сообщил, что сменил квартиру и, соответственно, поменял номер телефона, вот она спешит проведать его по этому номеру. Кирилл даже не решился сказать, что нынешняя квартира – его собственная. Боялся долгих нудных расспросов о цене квартиры, на какие заработки была куплена и так далее.

Кирилл в полудреме слушал ее нудный старческий голос:

– Кириллушка, почему же как я не позвоню, ты всегда дома и всегда спишь? Что у тебя с работой? Тебя не выгнали? Ты зачем мне столько денег опять прислал? Сам-то ты на что живешь? А почему ты опять поменял квартиру? Дорого платить что ли? А за эту сколько ты теперь платишь?.. Сыночек, я же тут тебя по телевизору видела. Я в субботу к тете Любе ездила. У них есть какая-то антенна и они могут ловить почти все московские каналы. И тут случайно тебя показали. Я аж прослезилась. Кириллушка, но почему ты такой худой? Ты не голодаешь?

Кирилл на каждый вопрос матери невразумительно мычал. Услышав последний вопрос он невольно пощупал свои бока и подумал, что надо бы все-таки походить опять в бассейн и в тренажерный зал, а то талия зарастает жирком.

– Нет, мам, не голодаю, – нехотя ответил он. – Мам, я зачем тебе деньги высылаю, чтобы ты их на телефонные переговоры переводила? Пиши лучше письма...

– Но ты же не отвечаешь на них, Кириллушка, а я так переживаю за тебя.

– А что ты переживаешь? Я уже восьмой год живу в Москве и все еще жив и здоров, ну, что же ты переживаешь?

– Все думаю и думаю о тебе...

– И что же ты все думаешь и думаешь обо мне? Мам, мне уже почти тридцать лет. Я сам о себе могу подумать. О чем же ты думаешь? Что ты себе нервы мотаешь по пустому?

– Ну, как же по-пустому-то? Я переживаю, что ты до сих пор не женат, что я внуков еще не видела. Я же уже старая, а хотела бы внучков понянчить. Почему же ты не женишься? Твои одноклассники уже давно по двое ребятшек имеют...

– Тебе не надоели одни и те же вопросы? Ты звонишь и задаешь эти вопросы, пишешь мне в письмах об одном и том же, сколько ж можно про одно и то же?

– А ты женись, привези ребетеночка, тогда я не буду тебе задавать эти вопросы.

– Все, мам, пока, рад был тебя слышать, целую, всем привет, – Кирилл хотел было закончить разговор и положить трубку, как мать запричитала громче:

– погоди, погоди, сыночек, у меня же к тебе просьба. Катюшка наша в Москву хочет ехать поступать в институт. Я тебя очень прошу встретить ее и приютить на несколько дней у себя, пока она в общежитие не устроится.

– О, Господи, какая еще Катюшка?

– Ну, как же, соседка моя, Валина дочь, да знаешь ты ее. Она с детства помогает мне по дому, по хозяйству. Ну, ты что, не помнишь?

– Так, она же маленькая еще. Какой институт?

– Ей уже скоро девятнадцать будет. Она школу еще в прошлом году закончила, только из-за болезни матери осталась работать в поселке, а теперь хочет ехать учиться. Она умная, хорошо закончила школу, много читает.

– Я же ее видел в последний раз, она была совсем соплюхой.

– Сыночек, ты же у меня-то был в последний раз три года назад, поэтому ты ее большой не помнишь. А Катюха в это время в Ленинграде была. Она потом так плакала, что тебя не увидела. Ты что не помнишь, что она влюблена в тебя с детства? Поэтому и бегала ко мне все время. Она такая хорошая девочка, так много для меня сделала. Я тебя очень прошу, хотя бы для начала помоги ей освоиться в Москве, хорошо? А лучше было бы, если бы она пожила у тебя, пока поступит. Она такая хозяйственная, чистоплотная, а как готовит! Она б у тебя все прибрала, да подкормила бы немного, а то ты сильно что-то похудел, – захныкала опять мать.

– Мам, у меня столько работы, столько дел, а ты с какой-то Катюшкой морочишь мне голову. Мне некогда. Пусть сразу едет в институт и устраивается в общежитие.

– Она же никогда в Москве не была, как же она найдет институт-то тот? Сыночек, пожалуйста, не откажи. Как же я ей, да Вале, скажу, что ты не хочешь помочь?

– Только этого мне не хватало... – с досадой в голосе сказал Кирилл, уже окончательно проснувшись. – Ну, хорошо, позвони, как она возьмет билет и узнай в какой институт она собирается поступать, чтобы я ее сразу туда отвез.

– А она уже взяла билет и сегодня ночью поездом выезжает, в Москве будет послезавтра днем, в три часа. Но я тебе все уточню и перезвоню позже. До свидания, Кириллушка, я тебе позвоню... – скороговоркой закончила мать разговор и, чтобы не услышать возражений, быстро повесила трубку.

Кирилл сначала сильно расстроился, а потом, решив так и сделать – с вокзала сразу отвезти непрошеную деревенскую гостью в общежитие и забыть – тут же успокоился. Некоторое время он еще повалялся в кровати, потом встал и направился в ванную. Проходя мимо

большой комнаты, он увидел, что Артем в одежде спит на диване. Значит, вчера он сильно напился, что даже не сумел раздеться и лечь в кровать, – подумал Кирилл, успокоившись, что Артем все же дома..

Помывшись и побрившись, Кирилл начал уборку квартиры. Он уже не помнил, когда он превратился в такого чистоплюя, что его самого часто доводит до бешенства. Он совершенно не переносит грязи и неряшливости ни в доме, ни в одежде, ни в еде. Убирается он всегда тщательно. Поверхностной уборки у него никогда не бывает, всегда только генеральная. Он сам ненавидел в себе эту чрезмерную зависимость от чистоты, но уже ничего не мог с собой поделать. Раньше, когда он снимал квартиру, то часто нанимал домработницу. Теперь, в своей квартире ему хотелось все делать самому. Последнюю неделю он совсем не занимался хозяйством из-за сдачи очередного номера своего журнала. Кирилл знал, что уборка займет часа два, потом нужно будет пойти в магазин и загрузить холодильник. И, конечно же, что-нибудь еще приготовить.

Уже почти четыре года Артем живет с ним по всем его съемным квартирам. Но так и не изменил своих привычек. И за это время Кирилл не сумел его приучить к порядку в доме, к заботе не только о нем, но даже к заботе о самом себе.

К десяти вечера Артем проснулся от запаха свежеприготовленной еды, доносящегося из кухни. Не обратив внимания на блестящую от чистоты квартиру, он лениво помылся, зашел на кухню и, не промолвив ни слова, сел за стол. Кирилл тоже молчал, едва взглянув на заспанное лицо Артема, поставил перед ним блюдо с красиво уложенными котлетками, картофельным пюре и с помидорами поверх листьев салата. Артем взял тарелку, пошел в большую комнату и сел перед телевизором.

За столько лет Кирилл так и не смог привыкнуть к этим повадкам Артема и это каждый раз его сильно обижало. Но говорить ему что-либо по этому поводу было бессмысленно. Поэтому в который раз Кирилл расстроившись, без аппетита в одиночестве перекусил и принялся мыть за собой посуду.

Зазвонил телефон. Кирилл взял трубку и услышал незнакомый голос, который сообщил номер поезда и время прибытия Кати из Иркутска. Мать, видимо, решила прибегнуть к хитрости, попросив кого-то из знакомых сообщить информацию о Катином приезде, чтобы Кирилл не смог ничего возразить, а еще, не дай бог, отказаться от обещания. Это сообщение еще более усилило плохое настроение Кирилла, поэтому он решил немного развеяться. Не сказав Артему ни слова, Кирилл оделся и вышел из дома.

Когда он вернулся, Артем уже спал в их кровати. Как бы Кирилл не злился и не обижался на Артема, но каждый раз, когда он видел его спящим в постели, на него всегда накатывала волна какой-то непередаваемой нежности к этому, так сильно ненавистному и одинаково так сильно любимому, человеку. Приняв душ, Кирилл разделся и тихо юркнул под одеяло. Артем спал ровным, глубоким сном. Немного поворочавшись, Кириллу вскоре удалось заснуть.

В редакции после сдачи номера было спокойно. Кроме секретарши Леночки, в отделе находился еще Саша Петрыкин, руководитель службы PR, который «гулял» в Интернете. Леночка была сегодня печальна.

Вошла, а точнее, ворвалась Нина, руководитель отдела продаж, сороколетняя молодая пышнотелая женщина, в излюбленной ею форме одежды – джинсах и футболке. Ее появление всегда всех радовало, потому что легкий нрав и доброжелательное остроумие всем поднимало настроение. Нина приехала из Киева, где работала на киностудии директором кинокартин. С тех пор, как кино на Украине стало плохо субсидироваться, она пере-

ехала в Москву, где рассчитывала найти работу в кинематографе. На каких-то съемках она познакомилась с Кириллом Гордеевым, который заканчивал ВГИКовские высшие режиссерские курсы. Благодаря своему интеллекту и раскованному характеру, Нина быстро нашла с Кириллом общий язык. Когда Гордеев стал организовывать свой журнал, то сразу же пригласил Нину работать вместе.

Увидев Нину, Леночка тут же бросилась к ней.

– Что опять случилось? – Спросила Нина, увидев слезы на ее глазах.

– Поговори со мной... пожалуйста, – неровным голосом попросила Леночка.

– О, Господи, ну, пойдём, – выдохнула Нина и повела ее в кабинет Кирилла. – Надеюсь, Кирилл не скоро придет и не помешает нам. Ну, выкладывай.

Они заперлись в кабинете.

Петрыкин распечатал всю информацию о продажах журнала, о рейтингах и, довольный результатами, стал хлопотать вокруг чайника.

Неожиданно рано пришел арт-директор журнала Борис Антонович. Обычно после сдачи номера, несколько дней сотрудники приходят на работу только после обеда. А тут не было еще и двенадцати, как нарисовался Борис Антонович. Ему было едва за сорок и выглядел довольно молодожаво, щеголевато одевался, но почему-то предпочитал, чтобы его называли, пусть даже на «ты», но по имени и отчеству.

– Нинка здесь? – Спросил он с порога, не успев поздороваться.

– Да. Но они заперлись там, – ответил Петрыкин и указал на дверь главного редактора, – лучше не мешать им. У Леночки очередная проблема в делах сердечных.

– Ничего-ничего, я им не помешаю, – с этими словами Борис Антонович ворвался к девушкам.

– ... Нет, он бросил меня, бросил. Использовал и бросил, – услышал Борис Антонович причитания Леночки сквозь слезы.

– Вот мерзавец... – начала было говорить Нина.

– Больше того, подлец, – встрял в разговор Борис Антонович. – Им, подлецам, всем одного надо. Не плачь, Ленусик, я тебе найду положительного импотента, которому этого вообще не надо...

– А ну, закрой дверь с той стороны, – увидев Бориса, выкрикнула Нина.

– Нинусик, на одну минутку, пожалуйста, – заискивающим голосом обратился к ней Борис Антонович.

– Обобъешься! Жди в порядке живой очереди. Уйди отсюда, – Нина стала отпихивать Бориса Антоновича за дверь.

– Нинястик, выгляни сюда и ты все поймешь.

– О, Господи, ну, что у тебя-то? Опять просишься ломать мне диван?

– Смекалистая ты моя, – попытался чмокнуть ее Борис Антонович, – смотри какой бутончик, – он указал на юную девушку лет восемнадцати, которая стояла за стеклянной дверью редакции, – а диван я тебе скоро новый куплю.

– «Бутончик», – передразнила его Нина, – когда же твоя клумба высохнет уже?

– Никогда! Я не могу детям запретить рождаться и вырастать в такие вот очаровательные создания! – С гордостью ответил он, подталкивая Нину к ее столу.

С первых дней знакомства у Нины с Борисом Антоновичем сложились панибратские отношения. Нина снимала однокомнатную квартиру и жила одна. А Борис Антонович, пользуясь добротой Нины, частенько брал ключи от ее квартиры в дневное время, чтобы водить туда своих постоянно обновляющихся молодых подружек. За что Борис Антонович иногда помогал Нине оплачивать ее съемную квартиру. Вечерами же он был положительным семьянином. У него была прекрасная жена, имеющая свой собственный самостоятельный бизнес и взрослая дочь, которая вышла замуж и была беременна. Борис Антонович очень любил

свою семью и гордился ею, но это нисколько не мешало ему ухлестывать за юными девицами. Обольстителем, видимо, он был знатным, потому как девушки у него менялись почти каждую неделю и почти с каждой он ходил к Нине «ломать диван», как выражалась сама Нина.

Она прошла к своей сумочке, достала из нее ключи и протянула их Борису Антоновичу со словами:

– Борь, ты закончишь жизнь от истощения физических сил.

– О, это лучшая смерть! Достойная настоящего мужчины!

– И потом, я, конечно, понимаю, они молоденькие и хорошенькие, но ведь они же дуры! – подчеркивая слово «ду-ры», сказала Нина.

На что Борис Антонович улыбаясь, ответил:

– А поговорить я могу и с тобой... – быстро повернулся и пошел на выход к своей барышне.

– Ну, ясно, я на работу-то хожу, чтобы со всеми с вами поговорить и разрешить все ваши личные проблемы, – уже вслед ему пробурчала Нина. – Когда же я, наконец, собой-то займусь? – Задала она сама себе риторический вопрос и, вздохнув, направилась дальше «лечить» Леночку.

Час спустя в редакцию вошел Кирилл. Петрыкин радостно начал ему докладывать:

– Значит так, продажи постепенно начинают увеличиваться и у нас довольно хорошие показатели. Следующее, ты уже вторую неделю держишься в Интернете как самый сексуальный мужчина поколения. И, последнее, с телевидения звонили, хотят снять с тобой интервью.

– Я уже вчера наснимался для телевизора. С меня пока хватит, – подумав, уточнил, – или с них пока хватит.

– Кстати, опять эта сумасшедшая наговорила на автоответчик про свое восхищение тобой по поводу последней съемки. А что там произошло? Из ее сообщения я понял, что ты там что-то выкинул экстраординарное? – Поинтересовался Саша.

– Ничего особенного. Узнай, пожалуйста, когда передача выйдет в эфир.

Когда Кирилл вошел в свой кабинет, Леночка уже подуспокоилась.

– Главное – не стремиться их сразу захомутать, – продолжала Нина, не обращая никакого внимания на то, что Кирилл уже сел за свой стол. – При чем, не внешне, а именно внутренне быть от них независимой... Вот я, сколько раз ловилась на этом. Какой-нибудь мужик ходит, ходит за мной, ухаживает, как умеет. Он мне не нравится, но я встречаюсь с ним, чтобы одной не быть. Но стоит мне однажды подумать – сколько мне лет и что надо смириться с тем, что имеешь, – я тут же начинаю мысленно переставлять шкафы в его комнате. И что ты думаешь, что дальше происходит? Ровно с этого момента поклонника моего как ветром сдувает. Не понимаю, как они это чувствуют?

– Скоро твой сеанс психоанализа закончится? – Спросил Кирилл.

– Что, тебе тоже нужен сеанс? – Среагировала Нина.

Кирилл глазами показал на Леночку. Нина спохватилась и, выпроводив Леночку из кабинета, села напротив Кирилла. За три года общения, Кирилл и Нина стали очень близкими друзьями. В силу своего характера, Кирилл мало кого допускал до себя так близко, как Нину. Да, пожалуй, она была единственным человеком, с которым он мог делиться абсолютно всеми своими чувствами, переживаниями, проблемами и радостями. Она, как никто, чутко и сердечно относилась к Кириллу, глубоко понимала его и трепетно разделяла его проблемы. По складу же характера Нины, то ее душевного отклика мог заслужить почти любой человек, который хотел бы чем-либо поделиться с ней. Она тут же вникала во все дебри сложных взаимоотношений, старалась помочь если не делом, то хоть словом. Поэтому ее любили почти все, с кем она начинала общаться. Кирилл ценил Нину, но порой ему не нрави-

лось, что она слишком много внимания уделяла другим людям, распыляя свое время и свои душевные силы на кого попало. Кирилл даже сердился на нее из-за того, что себе самой-то она как раз мало времени уделяла, решая проблемы бесконечному количеству знакомых.

– Я сегодня встречался с людьми, которые предложили мне очень интересное дело... – многозначительным тоном начал Кирилл. Выдержав паузу, он продолжил: – Мне предложили баллотироваться в депутаты...

Нина чуть не подскочила на месте:

– Что?.. В какие депутаты?

– В депутаты в Государственную Думу.

– А как это? – никак не укладывалось в голове Нины эта новая информация.

– А так это... Поскольку я довольно популярный человек, – ироничной интонацией произнес эти слова Кирилл, – они точно рассчитали, что я могу собрать очень приличный «электорат», – манерно подчеркнул слово «электорат», – причем, по сути, вся молодежь всей страны может пойти за мной. Молодых-то политиков почти нет, по крайней мере, которые могли бы привлечь именно молодежь. Сначала они подумывали создать партию, но до выборов осталось всего пять месяцев и за это время очень сложно будет раскрутить партию. Тем более нет гарантий, что эта партия может пересечь пятипроцентный рубеж, чтобы войти в парламент. Поэтому они предложили мне баллотироваться по одномандатным спискам от моей родной Иркутской области. Собрать большинство голосов из местной молодежи вполне реально. Это даст возможность пройти мне в депутаты.

– Неужели это так просто? – удивилась Нина.

– На самом деле не так это просто. Что за меня проголосует все молодое поколение области, я даже не сомневаюсь. Нужно только правильно организовать всю предвыборную кампанию. Они, – Кирилл указал пальцем в потолок, – все берут на себя.

– А ты что? Ты ничего не должен при этом делать?

– Почему? Я должен буду несколько раз туда съездить с большими концертными программами, чтобы молодежь привлечь, давать интервью в прессе, на телевидении, радио, провести несколько пресс-конференций. А организовывать все это будут они.

– А зачем это им?

– Ну ты что, с луны свалилась? Как политика делается? Они помогут мне пройти в парламент, а потом через меня будут лоббировать свои интересы.

– А какие интересы? Вдруг неприличные? И ты будешь обязан делать, что они тебе велят?

– Ну, во-первых, люди они не глупые и в Думе не дураки сидят, я думаю они будут разумные вещи предлагать, а во-вторых, что значит «велят»? Я же тоже не кретин какой-нибудь, если что-то не совпадет с моим взглядом, то я имею право обсуждать это. Просто мы сообща потом будем решать какие вопросы поддерживать, к какому блоку присоединиться, ведь мой один голос ничего не решает...

– Вот это номер, чтоб я помер, – выдохнула Нина. – Да... это интересно. Надо же, ты совсем недавно говорил, что тебе уже начинает надоедать заниматься журналом, что ты хотел бы попробовать что-нибудь еще, более масштабное. Вот и карты в руки, – стала воодушевляться она.

– погоди ты возбуждаться! Я еще не дал утвердительного ответа. Нужно еще хорошо подумать. Они дали мне десять дней срока на обмозговывание... Я-то хотел чем-то творческим заниматься, а про политику даже и не думал.

– Слушай, а мне начинает нравиться эта затея! По-моему, это самое подходящее применение твоим мозгам!

Тут их разговор прервал телефонный звонок:

– Кристина из Лондона, – сообщила Леночка в трубку.

Нина тут же встала и деликатно вышла из кабинета.

– Давай, давай, – радостно взволновался Кирилл. – Алло, Крыся, привет, моя дорогая.

Это была его МГУшная однокашница, которая несколько лет назад вышла замуж за англичанина-издателя и уехала в Лондон. Они всегда были очень дружны. Собственно, это муж Кристины вдохновил в свое время Кирилла на открытие своего журнала и поначалу многим помог. После окончания режиссерских курсов, Кристина пригласила Кирилла в Лондон, где и познакомила его с мужем. Кирилл понимал, что снимать кино очень трудная задача, а пообщавшись с Крисом, так зовут мужа Кристины, он и решил заниматься издательством журнала.

Крыся, как любил Кристину называть Кирилл, время от времени звонила ему домой, а тут позвонила на работу, что немного насторожило его.

– Как ты поживаешь? Ничего не случилось?

Кристина сказала, что у нее все по-прежнему в порядке, что она просто очень по нему соскучилась и что Крис на неделю уезжает в Америку и поэтому хотела бы, чтобы Кирилл приехал к ней в Лондон погостить.

– Ну, это просто королевский подарок. Я сдал номер и как раз собирался куда-нибудь поехать отдохнуть. Правда я подумывал о жарких странах, но Лондон, может быть, даже будет получше. Только... – тут Кирилл немного замешкался, – ты не будешь против, если я приеду с Артемом? Я уже ему обещал, что отдохнуть поедем вместе...

Поскольку Кристина в свое время сама и познакомила Кирилла с Артемом, то она и не была удивлена его просьбе и, конечно же, пригласила их вдвоем.

Поговорив с ней, Кирилл вышел из кабинета, попросил Леночку заказать ему билеты в Лондон и подошел к Нине.

– Я послезавтра хочу лететь к Крысе, отвлекусь немного, а потом мы с тобой решим какой ответ нам дать на вышеупомянутое предложение. О кей?

– Да что там думать, надо говорить – да, да, да! – взбудораженно прошептала Нина, понимая, что пока никому об этом говорить не надо. – Хорошо, что решил отдохнуть. Проветришь мозги, а потом за дело. И имей в виду – я вся твоя! Помогать буду тебе во всем!

Кирилл приобнял ее за широкую талию, чмокнул в щеку и благодарным голосом сказал:

– Куда ж я без тебя?..

– В Лондон вот без меня собираешься, – уже привычным громким добродушным голосом ответила она. – Все обещал взять куда-нибудь с собой, да только обещаешь.

– Раз обещал, то обязательно поедем. Вот, в Иркутск и возьму тебя с собой! – рассмеялся Кирилл.

Нина тоже громко захохотала. Конечно же, она не обижалась на него.

Больше в редакции Кириллу незачем было оставаться и в приподнятом настроении, простившись со всеми, он поехал домой собираться в поездку.

По дороге Кирилл думал о Кристине.

Кристина приехала поступать в МГУ из Риги. Отец ее был латыш, а мама – русская. Наверное, поэтому она по-русски говорила без характерного прибалтийского акцента. Кристина сразу захватила умы почти всей части мужского населения общежития, потому как была невероятно привлекательна. Она была высокой, стройной, с огромной копной рыжих вьющихся волос и к тому же очень умна, независима и высокомерна. Училась она на факультете социологии и жила на другом этаже общежития. Кирилл с ней встречался в лифте и почти сразу понял, что интересен ей: каждый раз она весьма прямолинейно и вызыва-

юще на него смотрела. Познакомились они на третьем курсе, когда она переехала в комнату, находящуюся на этаже, где жил Кирилл. Кристина тогда еще не знала, что Кирилла женщины могут интересовать только как собеседницы. Правда, в то время Кирилл еще и сам надеялся, что сможет перебороть себя и постарается жениться. Поэтому он охотно реагировал на знаки внимания, оказываемые ему с ее стороны, но ничего не предпринимал. Кристина же, естественно, привыкшая к мужским назойливым ухаживаниям, инициативы сближения ждала от Кирилла. Когда они, наконец, стали общаться, Кирилл оценил ее острый ум и ему было интересно с ней разговаривать. А ее как раз, он понимал, разговоры привлекали меньше, она хотела более близких, интимных отношений. Но Кирилл не спешил оправдывать ее надежды. Как потом выяснилось, она принимала такое поведение Кирилла за игру, за набивание себе цены.

Кирилл с детства был очень замкнутым, мало общался с одноклассниками. Когда началось половое созревание, Кирилл сознательно отгонял от себя мысли о сексе. Для одноклассниц он был малопривлекателен и его это устраивало. Тем более, что и ему никто не нравился. Он мысленно усмехался, когда потом, в редкие поездки к маме, случайно встречая своих одноклассников, видел как они поражались изменениям, произошедшими с ним. Ребята, за которыми толпами бегали девчонки, превратились в обыкновенных мужланов, а бывшие школьные «сексбомбы» просто обабились. Мало кто из них сразу мог узнать в нынешнем облике Кирилла, того худощавого, нелюдимого одноклассника.

Только в армии Кирилл осознал то обстоятельство, что предметом его сексуального, да собственно, и душевного влечения, может стать только мужчина. Конечно, поначалу он думал, что отсутствие поблизости реальных женщин понуждает горячее юношеское сердце реагировать на сослуживцев. Но очень скоро, окончательно признал в себе гомосексуальную направленность. Он долго боролся с чувством, которое у него возникло вдруг к одному из однополчан. До конца службы он так и не открылся ему, боясь быть отвергнутым и непонятым. Этот страх и природная застенчивость заставили Кирилла быть осторожным в выборе партнера и в дальнейшей его жизни. Эти же свойства характера заставили его создать собственный образ в виде неприступного, высокомерного, часто циничного интеллектуала.

Таким он и приехал в Москву и уже никогда не расставался с этим образом, чем он и привлекал к себе внимание самых интересных персон из последующего окружения. А чтобы сохранять этот имидж, он много трудился над своим самообразованием, избегая бессмысленных знакомств и оставаясь нелюдимым.

По этой собственно причине, к 23 годам у Кирилла ни разу не было сексуального опыта ни с кем. И для сознательного гомосексуалиста, было странно, что первый половой акт произошел именно с женщиной. А точнее, с Кристиной. Но все подробности этого события для Кирилла остались тайной.

На протяжении всего третьего курса они общались почти каждый день. Ближе к весне Кристина стала более настойчивой в своих откровенных сексуальных домоганиях. Она никак не могла понять почему Кирилл избегает интимных отношений и даже серьезные разговоры на эту тему ничего ей не объясняли. Он не мог ей признаться ни в том, что он гей, ни в том, что у него еще ни разу ни с кем не было половой близости. Он был очень избирателен в своих вкусах. Никто к тому времени не смог затмить образ его сослуживца. А без чувства влюбленности, он не мог решиться найти себе сексуального партнера. Поэтому Кристина и не могла, как, собственно, и никто другой, догадаться об истинном влечении Кирилла. Кристина не понимала, почему он непреклонен. На самом же деле Кирилл очень старался убедить себя попробовать секс с женщиной. Но он очень боялся этого. Он вспомнил, как его одноклассники рассказывали о том, что они перед первым сексуальным опытом испытывали помимо сильного желания, но еще и чувство страха. И теперь Кирилл сам себя чувствовал

мальчишкой, который впервые может испытать физиологическое наслаждение от интимной близости. За одним лишь исключением, что желания женщины у него не было. Было сильное чувство боязни и почему-то чувство брезгливости.

Однажды весной Кристина, получив продуктовую посылку из дома, закатила у себя в комнате целый пир, пригласив несколько друзей и подруг. Естественно, в число приглашенных входил и Кирилл. Неожиданно для себя Кирилл стал очень быстро пьянеть. То ли от общего веселья, то ли от желания расслабиться, но уже к концу вечеринки он был совершенно пьян. Последнее, что он помнил было то, что Кристина сидела у него на коленях и они страстно целовались. Затем наступило абсолютное беспомыслие. Он ничего не помнил – полная амнезия. До такого состояния он напился только раз, когда вернулся из армии – не рассчитав силы очень быстро и сильно опьянел, а потом ничего не мог вспомнить. Правда, тогда вспоминать и нечего было. А тут, наутро Кирилл, к своему удивлению, обнаружил себя в постели Кристины совершенно голым.

Первое чувство, которое его посетило, когда он пришел в себя – это чувство дикого ужаса. Что произошло? Что было? Было ли что-то вообще? Сердце заклокотало где-то в горле, мысли путались. Он пытался собрать в голове воспоминания, но тщетно – он ничего не помнил, никаких обрывков из предыдущей ночи. Через какое-то время до него дошло, что Кристина шумит водой в ванной комнате и с усиливающимся чувством ужаса, стал ожидать ее выхода оттуда. Вдруг он опомнился, вскочил с кровати, лихорадочно оделся, накрыл постель покрывалом, лег на него и, зачем-то вытащив из нагрудного кармана джинсовой куртки солнцезащитные очки, надел их. Когда Кристина вошла в комнату, то застала нелепую картину – Кирилл одетый во все свои одежды, включая туфли, лежал на постели почему-то в черных очках. Она сделала удивленное выражение лица и попыталась рассмеяться, скрывая неловкость, которую она явно испытывала тоже.

– Ты так быстро оделся, что напомнил мне старый анекдот, – начала она, преодолевая свою скованность, – муж пришел с работы и сказал, что у него новая секретарша. «Как она одевается?» – спросила его жена. «Быстро», – ответил муж, – и Кристина засмеялась уже более естественно. – Так и ты, я выходила отсюда, ты еще спал мертвым сном, а прихожу – ты уже в полной амуниции и даже в очках.

Кирилл молчал, не зная как реагировать.

Кристина вдруг села на корточки перед ним и совсем другим тоном, более нежным и доверительным, обратилась к нему:

– Сними, пожалуйста, очки...

Кирилл немного поколебался, потом все же нехотя снял очки. Какое-то время он не мог ни на чем сосредоточить свой взгляд, боясь посмотреть ей в глаза. Но Кристина обхватив его лицо ладонями, остановила его блуждающие зрачки.

– Ты превосходный любовник... – сказала она почти шепотом.

Кирилл ожидал услышать что угодно, но только не это. Если поначалу он надеялся, что как только она войдет, атмосфера разрядится и он сразу успокоится, то после этих слов он еще больше зажался. В оцепенении он смотрел в ее глаза с абсолютно отсутствующим взглядом и никак не мог ничего придумать, чтобы как-то выйти из этой дурацкой ситуации. А Кристина, похоже, и не хотела разрушать эту тяжелую атмосферу. Но долго это продолжаться не могло. Кирилл весь затек от этого состояния и вдруг с силой оттолкнул ее, вскочил, опять надел очки и скороговоркой выпалил:

– Это невозможно. Я – гей...

– Ну и что? Я знаю, – ответила она невозмутимым тоном, поднялась и села на кровать с ногами.

– Как? – удивился Кирилл. – Откуда ты знаешь?

– Ты мне сам вчера сказал и мы с тобой почти всю ночь об этом проговорили.

Кирилл не знал, как себя вести, что говорить. Он хотел бежать отсюда, но что-то его держало.

– Почему я остался здесь?.. – спросил Кирилл и тут же пожалел об этом. Лучше бы не знать, тогда не будет так стыдно.

Но Кристина, выждав немного, ответила:

– Ты захотел остаться...

И тут Кирилл бросился к двери. Ему хотелось бежать. Бежать куда угодно. Бежать от этой истории. Он не знал что думать по этому поводу, как соотносить ее с собой.

– Я люблю тебя, – крикнула Кристина ему вслед, но не стала его останавливать.

Кирилл помнил, как он бежал по ступенькам с десятого этажа общежития сломя голову. Ему хотелось, чтобы мозги его растряслись и чтобы в голове ни одной мысли не появилось.

До сих пор Кирилл не знает, что же тогда на самом деле произошло, и до сих пор не уверен, была ли тогда между ними близость. Он полагал, что Кристина насочиняла про это, чтобы раскомплексовать его. И, в общем, он был ей за это благодарен. Хотя после, никакие Кристинины ухищрения затащить еще раз его в постель, не увенчались успехом. Более того, Кирилл дал себе зарок никогда больше так не напиваться, чтобы не узнавать о произошедших событиях только со слов очевидцев.

Но теперь, спустя время, ему нравилась эта история и он даже гордился ею: он самый малый процент, но допускал, что у них мог быть секс, а главное, он мог себе и о себе говорить, что спал с женщиной, более того, женщина была его первой сексуальной партнершей. Позже, общаясь с гомосексуалистами, он понял, что для многих из них переспать с женщиной – это колоссальная психологическая, да и собственно, физическая проблема. Большинство так и не решается на это. Но никто не признается, что никогда не был с женщиной, чаще они придумывают истории, в которых якобы предавались с женщиной сексуальным безумствам. Кирилл же мог ничего не придумывать – у него действительно была такая история. Иногда он убеждал себя в правдивости слов Кристины, иногда он презирал себя за то, что так охотно хочет верить в этот бред.

А Кристина, похоже серьезно была в него влюблена и предпринимала все усилия, чтобы как минимум сохранить отношения, ну а как максимум... Она тогда была так одержима и так серьезно вникала во все его проблемы, в том числе и сексуальные, что Кирилл постепенно привык к ее опеке и даже иногда подумывал о женитьбе на ней. Как потом выяснилось, замуж как раз Кристина за него и не собиралась. Она всегда хотела уехать из страны, поэтому несмотря на сильное увлечение Кириллом, все же искала себе заграничного жениха. И, как оказалось, весьма успешно. Она нашла себе очень достойного человека и укатила в Англию. Сейчас они по-прежнему дружны, но Кирилл помнит, как он взревновал ее, когда узнал, что она выходит замуж. Ведь ревность появляется тогда, когда теряешь человека. Правда, это мог быть всего лишь эгоизм и чувство собственности.

Теперь, вспоминая всю эту историю за рулем своей машины, он с удовольствием думал, как хорошо, что они скоро увидятся. Кирилл был благодарен Кристине еще и за знакомство с Артемом. Тут он, вспомнив об Артеме, поморщился – может, не благодарить надо Крысю, а проклинать ее за это знакомство. И его мысли перенеслись уже на Артема...

На следующее утро, собираясь на работу, Кирилл с досадой вспомнил, что сегодня приезжает эта девочка Катя. Ему ничего не оставалось, как только поручить ее Артему. Кирилл написал записку и положил сверху денег. Артем естественно еще спал. В записке Кирилл попросил встретить Катю и сразу же, во чтобы то ни стало, устроить ее в какое-нибудь общежитие. Времени на няньканье нет – завтра они уже должны улетать в Лондон.

Когда Кирилл вошел в редакцию, было шумно от собравшихся корреспондентов и редакторов. Сегодня выплачивали авторские гонорары и зарплату. Нина любила эти дни не только за то, что дают деньги, но еще и за то, что она могла устраивать бенефисы при большом скоплении народа. Авторы, корреспонденты, фотографы, все любили эти дни тоже не только из-за денег. Они любили смешные истории и байки Нины, которая нисколько не смущаясь, могла повторять их в который раз, но с таким же воодушевлением.

Кирилл уже сотню раз, наверное, слышал все ее истории, как, собственно говоря, многие из находящихся здесь, но это каждый раз и ему приподнимало настроение. Правда, Кирилл предпочитал слушать из своего кабинета, поэтому он сразу туда прошел и закрыл за собой дверь.

Все остальные, как обычно, столпились вокруг Нины и громко смеялись почти над каждым ее словом.

– Я ведь долго не гневилла Бога и встречалась только с мужиками своего возраста, чаще даже, старше меня. И каждое утро я так злилась на себя, что опять привела в дом какого-то чахоточного или гайморитного. С вечера кажется, что, вроде бы, симпатичный мужичок попался. Ну, небольшое брюшко, ну, чуть-чуть не помыт, чуть-чуть недобрит, черт с ним, под водочку сойдет. Но утром! Это чудище оказывается с огромным пузом, в длинных семейных трусах в зайчиках и чебурашках, – рассказывая все это, Нина очень артистично показывает на себе, – начинает громко кашлять, харкаться, сморкаться...

Присутствующие уже давятся от смеха.

– ... тут я вскакиваю, не смотрю ведь, при этом, на кого я сама-то похожа, накидываю халат, собираю все его вещи, включая обувь, выкидываю за порог квартиры и начинаю орать как потерпевшая, чтобы он испражнялся где-нибудь в другом месте. Затем я поняла. Ну, что я думаю, мучаюсь и страдаю от этих старпёров? – Продолжала Нина, подбодренная реакцией окружающих. – Ведь, если захочу, то и молодого могу снять. Лучше же спать с юным красивым телом, чем с жирной тушей или со сморщенным саксаулом! Иногда мне-таки удастся соблазнить какого-нибудь паренька под веселые истории, да под предложение приятно провести вечер. Но, естественно, здесь свои издержки. Те-то со своей бутылкой приходили, а тут сама должна купить. И приготовить что-нибудь повкуснее. Потом весь вечер бегаешь в зеркало смотришься, чтобы краска не растеклась и помада не размазалась. Выслушаешь с фальшивым интересом всю чушь, которую несет этот недоумок и, не снимая на ночь косметики, уталкиваешь его в койку. Затем, конечно, случается непоправимое. Ну, а вот потом, самое страшное. Нужно стараться не уснуть, чтобы не издать храпа или, Господи прости, еще каких-нибудь звуков. Мучаешься до рассвета, едва-едва прикорнув, вскакиваешь, бежишь к зеркалу, чтобы привести себя в порядок до того, как юнец проснется. Можете себе представить, что я вижу в том зеркале! – Нина артистично закатывает глаза. – Вернувшись в кровать, долго выбираешь позу, в которой хоть чуть-чуть бы намечалось впечатление наличия талии, – продолжает она, показывая, как мостится на воображаемой кровати, – ищешь поворот головы, чтобы свет из окна скрывал не первой молодости лицо. Так и лежишь в неудобной позе, дожидаясь, когда этот малолетний ублюдок проснется. И ведь не дождешься. Спит ведь как убитый. Потом, руки-ноги затекают так, что матерясь, разворачиваешься спиной и засыпаешь замертво. Когда встаешь, рядом уже никого нет. Видимо, проснувшись и разглядев свою соседку по койке, паренек в ужасе дал дёру. Даже кино их не учит быть более учтивыми со взрослыми тетями. Могли бы хоть формально написать какую-нибудь благодарственную записку. Спасает меня только чувство юмора. Ну, что ха-ха-то? Между прочим, если б я брала с вас деньги за свои показательные выступления, я б

давно уже квартиру здесь купила. А с вас, – указывает на рядом стоящих, – как за первый ряд можно было бы две цены брать!..

Редакцию трясло от смеха так, что из соседних кабинетов в недоумении заглядывали люди.

Кирилл перебрал все материалы, отобрал, что можно было взять с собой, чтобы времени не терять в поездке, вызвал Леночку, узнал, что билеты уже куплены и попросил зайти к нему Нину.

– Поехали ко мне, отметим отъезд. – Обратился Кирилл к Нине, когда она вошла.

– Ой, Кирюша, сегодня не могу. Вечером меня будут знакомить с мужиком. Директором оздоровительного центра, между прочим, – с гордостью сообщила Нина.

– Директор чего? Санатория, что ли?

– Какого санатория? Он директор бани, – рассмеялась она.

Кирилл немного расстроился, но потом спросил:

– Он хоть не женат, этот твой банщик?

– Ну, где ты видел в пятьдесят два года неженатого?

– Так ему сто лет в обед! – возмутился Кирилл.

– А мне? После обеда! А потом, попрошу, не называть его банщиком. Директор оздоровительного центра! – еще раз подчеркнула Нина.

– А зачем тебе опять женатый, да еще «умывальников начальник и мочалок командир»? – шутливо спросил Кирилл.

– А затем, что, может, хоть квартиру будет помогать оплачивать.

– Будет ли?.. Ты же знаешь, я всегда тебе помогу и знаешь, что я был бы счастлив, если б ты вообще жила у меня.

– Опять ты склоняешь меня к сожительству! – засмеялась Нина. – Если бы не твой пустоголовый дружок, может я и жила бы с тобой.

Кирилл знал, что Нина недолюбливает Артема и не пытается это скрыть, поэтому ничего возразить не мог.

– Я всю сознательную жизнь хотела быть содержанкой какого-нибудь пожилого дядечки, и готова была все отрабатывать, но кто ж мне поверит, что в итоге, мне помогают два молодых красавца – Борька, да ты! Да еще ничего взамен не просят!

– Почему не просят? Вот я прошу тебя поехать со мной сейчас пировать.

– Ну, а вдруг, это – судьба? Я уже не имею права упускать ни одного шанса.

– Ну, ладно, не можешь, так не можешь. Я поехал. Вернусь через неделю. Как приеду, позвоню. Привет помывочному королю!

Они вышли из кабинета. Кирилл попрощался со всеми и поехал в международную авиакассу.

Возвращаясь домой, он вдруг пожалел, что не позвонил днем Артему и не проконтролировал его поездку на вокзал. И сейчас, еще ничего не зная, почему-то уже начинал злиться на него, подозревая, что он сделал что-то не так, если вообще не проспал.

Как только Кирилл вошел в квартиру, он сразу понял, что предчувствие его не обмануло: из кухни доносился изумительный запах готовящейся еды. Он сразу догадался, что готовит непрощенная гостья, а заподозрить в этом Артема у Кирилла, конечно, не было никаких оснований. Он даже не стал заходить на кухню, а сразу прошел в гостиную, где, как и ожидал, на диване перед телевизором валялся Артем. Увидев Кирилла, тот даже не шелохнулся, и невозмутимым тоном сказал:

– Она привезла столько банок от твоей мамы. Куда я мог ее отвезти с таким грузом?..

– Ты помнишь, что мы завтра улетаем в Лондон? – зло прошипел Кирилл. – И куда ты прикажешь теперь ее девать? – Кирилл действительно не видел выхода из этой ситуации.

Артем не меняя позы и интонации спокойно ответил:

– Пусть здесь поживет до нашего приезда...

– Ты соображаешь, что ты несешь? – почти кричал на него Кирилл.

Артем обернулся, долго посмотрел на него, потом опять спокойно сказал:

– А что тут такого?..

Кирилл сначала аж вскипел от этих бесстрастных слов Артема. Его всегда раздражала в Артеме предлагаемая им простота решений любых проблем, потому что эта простота шла от полной его безответственности. Но сейчас Кирилл согласился: действительно, а что тут особенного, если девочка поживет у них, пока они будут в отъезде. И маме будет приятно. А когда они вернутся, как раз начнутся вступительные экзамены, ее можно будет переселить в общежитие. Успокоившись этим размышлением, Кирилл пошел на кухню – знакомиться.

Его поразило, что Катя оказалась уже взрослой девушкой и довольно привлекательной. В его памяти отпечатался образ маленькой девочки, которая все время следила за ним, когда он приезжал домой и всегда старалась ему угодить. Теперь стояла невысокая хрупкая девушка с красивым личиком и длинными русыми волосами. Одета она была довольно современно, но все это было то ли самосшитые, то ли турецко-китайского производства. Она была бы хороша, если бы в ней не было провинциального налета. А если бы она была выше ростом, то вполне могла бы начать карьеру модели, – подумал Кирилл, глядя на нее. Катя стояла как вкопанная, не смея проронить ни слова. Она давно ждала этой встречи и очень серьезно к ней готовилась, но сейчас не могла собраться с мыслями и хоть что-нибудь сказать. Они стояли разглядывая друг друга, даже не поздоровавшись.

– Ты знаешь куда будешь поступать? – нарушил молчанье Кирилл.

– Да, в институт иностранных языков, хочу знать английский.

– В который из них?

Этот вопрос привел Катю в недоумение.

– А что их здесь много?

Кирилл понял, что ее приезд к нему в дом был неотвратим. Артем не смог бы ее устроить нигде, потому что она сама не знала куда ей надо.

– Ужинать скоро будем? – перевел он разговор.

– Уже можно мыть руки и садиться, – обрадовалась Катя. Кулинарные способности были ее коньком и козырем, которыми она собиралась пользоваться в будущих отношениях с Кириллом. Она ведь не подозревала, что Кирилл даже встречаться с ней не намеревался.

Во время ужина Кирилл сообщил Кате, что они с Артемом уезжают на отдых, и она останется здесь одна. Это сообщение повергло Катю в ужас – впервые в Москве и сразу остаться одной. Конечно, она и испугалась и обиделась. Но деваться было некуда и виду показать она не могла.

Когда ужинать закончили, Кирилл принес постельные принадлежности в кабинет, который находился в самой дальней комнате и где у него находились диван, шкаф, полки с книжками и компьютер.

– Обычно здесь Артем спит, но временно это будет твоей комнатой, – солгал Кирилл, сам удивившись тому, что решил зачем-то это сказать Кате. Наверное, хотел подстраховаться от домыслов.

Но Кате и в голову не могли прийти мысли, которыми была наполнена голова Кирилла. Он показал справочник города Москвы, в котором она могла найти все адреса, необходимые ей и показал в нем карту метро. Потом позвал посмотреть как пользоваться ключами. Пожелав друг другу спокойно ночи, разошлись спать.

Катя долго не могла заснуть. Она рассчитывала, что встреча с Кириллом будет более теплой, приготовила несколько историй из жизни его матери и их соседей. Но Кирилл ни только не спросил ни о чем, но всякие ее попытки что-либо рассказать, прерывал какими-нибудь незначительными вопросами. Это очень смутило Катю. Все незадалось сразу. Катя ожидала, что ее встретит сам Кирилл. Потом она думала, что он будет возить ее по институтам, параллельно показывая достопримечательности Москвы. И еще о многом мечтала она, пока ехала в поезде. Но все ее ожидания рухнули в одночасье. И, конечно же, ее задело то, что Кирилл про комнату, в которой она сейчас лежала, сказал как о «временном» ее пристанище. Но тут же начинала себя ругать за эти обиды. Как она могла рассчитывать на внимание такого человека, как Кирилл, даже если всю жизнь была его соседкой. В переживаниях о том, что сразу остается одна в этой огромной незнакомой Москве, Катя, наконец, заснула тревожным сном.

Наутро, когда Катя проснулась, в доме уже никого не было.

Просмотрев справочник, Катя не придумала ничего, как выбрать известный ей на слух институт иностранных языков, который, к тому же, находился недалеко от центра Москвы. Позвонив туда, она выяснила, как проехать, собралась и поехала сдавать документы. Выйдя впервые самостоятельно на улицы города, Катю захлестнули эмоции одновременно страха и необычайного счастья. Вот – Москва, город, о котором она мечтала всю свою сознательную жизнь. Ей нравилось все – и метро, и троллейбусы, и дома, и прохожие. К счастью, никаких сложностей со сдачей документов не было и Катя, переписав расписание консультаций и экзаменов, вернулась домой. Она хотела еще немного погулять по городу, но все же решила, что лучше как следует подготовиться к экзаменам, чтобы наверняка поступить. Тогда Москва будет ее. И еще она надеялась, что освоиться здесь, в конечном счете, ей поможет сам Кирилл.

Она усердно занималась все дни, выходя их дома только на консультации и в ближайший магазин. День возвращения Кирилла из Лондона совпадал с днем первого экзамена. Катя непременно хотела встретить его радостным известием о сдаче первого вступительного экзамена.

Всю дорогу из аэропорта до дома, как собственно, и весь полет, Кирилл ехал молча, стараясь даже не смотреть на Артема. Тот, как обычно, был невозмутим. Поездка в Лондон была отравлена чудовищным, на взгляд Кирилла, поведением двух близких ему людей – Артема и Кристины. С первого же дня Кристина все свое внимание сразу же переключила на Артема. Сначала Кириллу казалось, что она это делает для того, чтобы вызвать в нем ревность. Он помнил, как в свое время Кристина так же вела себя с другими парнями, когда еще пыталась завоевать Кирилла. Но теперь она интересовалась Артемом настолько откровенно, что Кирилл начал сомневаться, а его ли она вообще хотела пригласить в Лондон. Может быть, зная, что Артем по-прежнему живет с Кириллом, и провернула такой финт, заманив их обоих.

Когда Кирилл познакомился с Артемом и у них начали завязываться отношения, то через некоторое время Артем сказал, что женщины его интересуют в равной степени, как и мужчины. Тогда Кирилл даже обрадовался, потому что знал про себя, что к женщинам он не будет ревновать, а другие мужчины, как он надеялся, не будут привлекать Артема, пока они вместе. Но Кирилл тогда еще не знал насколько Артем был человеком без нравственных

привязанностей, без чувств преданности и благодарности, без страстей и без ответственности. Но даже теперь, зная обо всем этом, Кирилл ничего не мог с собой поделать. Он ненавидел его и любил одновременно. Единственно, что утешало в характере Артема, это то, что он был абсолютно безинициативным. Кирилл знал, что Артем часто нравится другим как мужчинам, так и женщинам. Но он был слишком ленив и самоуверен, чтобы прилагать какие-либо усилия. И если он попадал в какие-то любовные истории, то только тогда, когда другая сторона очень активно бралась за него. Кирилл был вынужден быть благодарным, хотя бы за то, что Артем сам приключений не искал. Но в Лондоне с Кристиной он явно заигрывал. В какой-то момент Кириллу показалось, что, может быть, Артем хочет завязать контакты с ней меркантильного характера. Может быть, он искал более выгодную для себя жизнь, например, в Лондоне. Но Кирилл тщательно отгонял от себя подобные мысли, потому что тогда вообще ставилось под сомнение отношение Артема к нему. Ведь он жил за его счет. Самостоятельно он уже жить не умел, да и не хотел.

Артему было 17, когда Кристина его впервые привела в общежитие на какую-то вечеринку. Она накануне познакомилась с ним на дне рождения у одного из своих приятелей. Когда Кирилл впервые увидел Артема, то не обратил на него особого внимания. Артем был очень тих и молчалив. Зато сам Кирилл в тот вечер был смешлив и остроумен. К концу праздника он уже замечал повышенный интерес к своей персоне со стороны юноши-красавчика и это льстило Кириллу. Это было в конце третьего курса. После летних каникул Артем часто стал появляться у Кристины. Она по-прежнему была влюблена в Кирилла, поэтому ее отношения с Артемом можно было расценивать, как чисто дружескими. И каждый раз, когда Кирилл встречал Артема, он ощущал на себе пристальное внимание парня и это стало ему нравится. В его взгляде было что-то манящее, притягательное и через некоторое время Кирилл понял, что все время ждет этого взгляда. Артем был юным, красивым и порочным. От Кристины Кирилл узнал о нем только то, что тот приехал из Санкт-Петербурга и живет у родственников. Учиться он не собирается и вроде нигде не работает. На вопрос не голубой ли он, Кристина ответила, что знает девицу, которая с ним спала. Это информация несколько охладила его пыл, но постепенно Кирилл стал понимать, что юноша завладевал его чувствами.

Теперь, по дороге домой, Кирилл ехал и терялся в догадках, случилось ли у Кристины с Артемом что-нибудь или нет. Перебирая в памяти все последние события, Кирилл понемногу стал успокаиваться. Но плохое настроение его уже не покидало. Еще перед вылетом из Лондона, Кирилл решил, что отправит Артема домой – в Петербург. Это было последней каплей длительного периода раздражения Кирилла на Артема, продолжавшегося уже несколько месяцев, за его ничегонеделанье, за его исчезновения время от времени, а главное, за ощущаемое Кириллом равнодушное отношение Артема к нему. Кирилл вспомнил опять, как Артем сказал, что его привлекают девушки и, возможно, периодически ему будет необходимо с ними встречаться. Тогда Кириллу казалось, что это он сказал для того, чтобы сохранять интерес к себе. И действительно, Артем иногда пропадал на несколько дней, потом, появившись, ничего не объяснял и не оправдывался. А Кирилл, боясь правды, ничего и не спрашивал. Так вот и сейчас, после Лондона, он ничего не хотел знать, достаточно было того, что Кирилл ощутил сильное желание расстаться с Артемом, хотя где-то понимал, что может быть и несправедлив к нему.

Сразу по прилете в Шереметьево, Кирилл попросил водителя ехать на Ленинградский вокзал. Артем всю дорогу не проронил ни слова, он даже не попытался узнать, в чем дело. Они как раз успевали на вечернюю «Красную стрелу». Когда Кирилл купил билет и всучил ему его вместе с деньгами, Артем по-прежнему молча посмотрел ему в глаза и, глянув на часы, направился к перрону.

Когда Кирилл вошел в дом, в глаза сразу бросилась чистота и свежесть квартиры. Он прошел в спальню и бросил сумку на пол. Было уже полночь, в доме было очень тихо и Кирилл не мог понять, дома ли Катя. Поэтому он прошел сначала на кухню, потом – в ее комнату.

Свет не был зажжен, но Кирилл увидел, что Катя лежит в одежде на заправленной кровати, уткнувшись лицом в подушку. Он молча стоял, не зная как нарушить тишину. Через минуту Катя, почувствовав на себе взгляд, обернулась и увидела Кирилла. Даже в темноте, лишь при отсвечивающем с улицы свете прожектора, он увидел, что Катя выглядела заплаканной. Они долго молчали, глядя друг на друга.

– Я провалила первый же экзамен, – сказала она сдавленным голосом и опустил глаза.

Кирилл не знал что сказать и как ее утешить, да и особого сочувствия к ней он не испытывал. «Значит и забот с ее устройством не будет, уедет назад и все», – мелькнуло у него в голове. Ни сказав ни слова, Кирилл повернулся и вышел из комнаты.

Когда приняв душ он зашел на кухню, то увидел, что Катя сидит за столом с поникшим видом, дожидаясь Кирилла. Ужин она приготовила великолепный. Кирилл сел и принялся за еду. Никто не нарушал молчания.

Через какое-то время Катя подняла голову и, посмотрев на Кирилла, робким голосом спросила:

– Что ты со мной теперь будешь делать?

– Я? С тобой? – чуть не поперхнулся от такого вопроса Кирилл.

– Я не могу ехать домой...

Кирилл, вытерев салфеткой рот, облокотился кистями рук о стол и устремил на нее свой взор.

– После школы я не стала поступать в Иркутске, а устроилась сразу на работу, чтобы накопить денег и приехать сейчас в Москву... – продолжала Катя, не поднимая глаз. – Не прогоняй меня, пожалуйста... Я пойду работать... Буду все делать по дому... убирать, готовить, ждать...

Кирилл был в недоумении. Он не знал, как реагировать. Конечно, это никак не входило в его планы.

– Я так надеялась, что поступлю... Я так много и долго готовилась, но... Что же мне делать?..

Катя начала краснеть и на глазах у не появились слезы. Кирилл по-прежнему молчал.

– Всю жизнь... с детства я жила тем, что когда вырасту, то обязательно приеду туда, где живешь ты...

Кирилл удивился еще сильнее:

– А при чем тут я?

– А при том, что с тех пор как ты вернулся из армии и уехал в Москву, я никогда и ни о ком больше не думала и не мечтала. Мне было 13 лет и с тех самых пор я думаю только о тебе. – Слезы душили ее, но она продолжала: – С каким нетерпением я ждала твоих приездов на каникулы!.. Тайком следила за тем, что ты любишь, что ты читаешь, что ты слушаешь и повторяла все за тобой. Я перечитала все журналы и книги, которые видела в твоих руках, слушала ту музыку, которую ты любил слушать. Училась готовить твои любимые блюда... А когда ты стал издавать журнал, то приплачивала проводнику с нашей железнодорожной станции, чтобы он из Иркутска привозил мне его. Читала и перечитывала от корки до корки каждый номер. Узнавала из твоего журнала что надо носить, что слушать, что смот-

реть и, по возможности, следовала этому. Английским стала серьезно заниматься, как только узнала, что ты свободно на нем говоришь... А теперь вся моя жизнь рушится...

Кирилл был потрясен. Он никак не ожидал такого поворота событий. Он смотрел на плачущую Катю и видел искренность ее страданий. Что-то дрогнуло в нем. После холодного равнодушия Артема и фальшивой заботы Кристины, его тронуло то, что эта девочка так долго и сильно была предана ему. Кирилл через стол протянул руку и стал вытирать ей слезы. Катя от удивления подняла на Кирилла полные слез глаза, потом схватила его руку и, уткнувшись в ладонь, зарыдала сильней. Кирилл другой рукой стал гладить ее по волосам, стараясь успокоить. Наконец, Катя прекратила плакать, отпустила его руку, вытерла лицо салфеткой, вдруг начала рассказывать смешные истории из тех времен, когда Кирилл приезжал на каникулы, а она бегала и подглядывала за ним. Кирилл отметил про себя, что девочка, оказывается, неглупа, очень артистична, при этом проницательна, со своеобразным взглядом на вещи, с четко формулируемыми мыслями. Ее рассказы постепенно развеселили его. В итоге они почти до утра просидели на кухне вдвоем, смеясь до коликов в животе.

На следующий день Кирилл проснулся почти в полдень. Вчера они договорились с Катей, что она пойдет учиться в коммерческий ВУЗ на вечерний, параллельно найдет работу. Кирилл легко согласился на то, чтобы Катя осталась, так как понимал, что после отъезда Артема оставаться сейчас одному ему было бы тяжело. Катину учебу оплачивать ему было не сложно. Единственное, что он никак не мог решить, это где ей потом жить, когда его собственная жизнь нормализуется. Остаться все время здесь, конечно же, она не могла. Решив, что потом все как-нибудь само с собой образуется, поднялся с постели и стал собираться на работу.

Катя уже хлопотала на кухне и оттуда доносился запах его любимых блинчиков.

Запищал телефон. Кирилл достал его и прочел сообщение. Ну кто же мог первым ему отправить послание? Конечно же, эта сумасшедшая. «С приездом. Без тебя Москва опустела. Только ты наполняешь ее смыслом. Виолетта.» Это сообщение, как ни странно, приподняло его настроение.

Зайдя на кухню, Кирилл посмотрел на Катю оценивающим взглядом. «Если ей сделать правильную прическу и приодеть, то можно даже для журнала снять», – подумал он и вдруг сказал ей:

– Знаешь что, собирайся и поехали со мной.

– Куда? Зачем? Я же должна искать работу, – удивилась она.

– Собирайся, собирайся, – сказал он тоном не допускающим возражения.

Они наскоро позавтракали, сели в машину и поехали. По дороге Кирилл показывал достопримечательности, которые они проезжали, и с интересом рассказывал про них. Катя была на седьмом небе от счастья – это то, о чем она мечтала с первого дня приезда в Москву.

Они подъехали к зданию, в котором был расположен салон красоты одного из друзей Кирилла. Войдя внутрь, Кирилл провел Катю в отдельный кабинет, где находился хозяин салона. Поздоровавшись с ним, Кирилл представил свою спутницу:

– Познакомься, Леша, это – Катя. Сделай из нее что-нибудь модное. Только прическу, макияжа не надо.

– Для твоего журнала? – спросил он, внимательно приглядываясь к гостье.

– Нет. Для моего антуража, – ответил Кирилл серьезно и, взяв со стола первый попавшийся журнал, уселся в кресло.

Леша не смог скрыть своего изумления, но ничего не стал уточнять. Он привык уже к неординарным выражениям Кирилла. Катя же вспыхнула от слов Кирилла, но так и не поняла, лестны ли эти слова для нее или нет.

Попросив свою помощницу принести гостю кофе, Леша повел Катю в рабочий зал. Катя видела, как девушки и парни, находившиеся в салоне сразу засуетились, забегали, когда увидели Кирилла. Видно было, что его приход всех взбудоражил. Но он ни на кого даже не взглянул. «Конечно, он такой красивый, такой популярный и... такой неподступный», – подумала Катя про себя, оглянувшись на Кирилла, который уже уткнулся в журнал.

Леша обладал красивой улыбкой и невероятным обаянием. Пока он стриг Катю, то все время нахваливал ее – и качество волос, и цвет, и ее кожу, и изгиб шеи. От этих слов она сразу расположилась к нему и уже через некоторое время они запросто болтали. Леша был по сути дела первым человеком после приезда в Москву, с кем Катя могла поговорить, если не считать молчаливого Артема, даже голоса которого она практически не помнила. Пока Леша занимался прической Кати, она все время хотела поговорить с ним о том, что ее волновало, но никак не решалась. Леша был замечательным собеседником, сам задавал вопросы о Катиной жизни, о ее мечтах, о ее родных и очень хорошо умел слушать. Наконец, уловив удобную минуту, преодолев робость, Катя спросила:

– А Кирилл часто приводит сюда девушек на стрижку?

– Девушек? – переспросил Леша. – Мы знакомы с ним больше двух лет и за это время ты – первая. Обычно он приходит стричься только сам, иногда с Артемом. Ты знаешь Артема?

– Да. Он встречал меня на вокзале. А вчера уехал домой в Питер.

Катя уже ликовала от того, что ей сказал Леша.

– Значит, у Кирилла нет сейчас девушки?

Леша помедлил, но потом ответил:

– Думаю, что нет. А почему это тебя интересует?

Катя смутилась. Но доверительность, с которой разговаривал Леша, позволяла открыться ему:

– Я с детства влюблена в него... Как ты думаешь, он может меня полюбить? – прошептала она заговорщецки.

Леша молчал. Катя приняла это за деликатность.

– Во всяком случае, ты достойна любви. И я желаю тебе успехов, – сказал своим мягким, красивым голосом Алексей.

Колдовал Леша над Катей почти час, хотя длину волос не трогал. Все это время Кирилл терпеливо дождался ее в кабинете у Леша. Когда процесс изменения имиджа был закончен, Леша пригласил Кирилла и показал, что получилось.

Кирилл внимательно оглядел девушку, потом резко и коротко сказал:

– Отлично. Спасибо. Поехали.

Последнее слово уже обращалось к Кате. Она даже толком поблагодарить не успела Алексея, как уже бежала за Кириллом, который схватив ее за руку, потащил к машине. Когда Кирилл завел мотор, Катя видела, что Леша вышел проводить их и помахал рукой. Ей показалось, что он машет именно ей.

Кирилл повез ее по бутикам, в которых обычно одевался сам. И все они были, как правило, рекламодателями его журнала. Поэтому везде, куда бы они не заходили, его встречали с распростертыми объятиями, предлагая кофе и приличные скидки. И везде Катя замечала, как на Кирилла реагируют девушки – они явно заглядывались на него, рассчитывая на внимание. За три часа поездки по магазинам, Кирилл напокупал Кате кучу шмоток на свой вкус. Катя была счастлива и от тряпок и от того, что весь день проехала с Кириллом, вызывая зависть у московских красоток.

На следующий день Кирилла разбудил телефонный звонок.

– Ты что не звонишь? Приезжай скорее на работу, у Борьки внучка родилась, будем праздновать. И вообще, я уже по тебе соскучилась, – орала в трубку Нина.

Кирилл посмотрел на часы и, увидев, что уже первый час, быстро собрался и поехал в редакцию. По дороге он думал о том, что завтра ему нужно будет дать ответ по поводу депутатского кресла. Конечно, для себя он уже решил утвердительно, но все еще взвешивал все обстоятельства за и против. Он давно начал понимать, что ему уже недостаточно того, чем он занимается. Его амбиции и энергия подогревали в нем желание заняться чем-нибудь больше, чем издательство журнала. Но ничего на ум не приходило. Его тянуло в режиссуру, но зная, как сложно доставать деньги на фильм, а потом отбивать их через прокат картины, руки тут же опускались. Поэтому Кирилл думал, что все это в нем еще зреет. А когда созреет, то само собой все и сложится как надо. Предложение баллотироваться в Думу его заинтриговало – вот, где настоящая режиссура! Подумав немного, мысленно добавил: если не режиссура, то по крайней мере хорошая арена для актерского мастерства.

В редакции было оживленно. Нина с Леночкой хлопотали за столом, на котором уже стояли фужеры, посуда. Кирилл поздоровался со всеми и прошел к себе в кабинет. Нина влетела следом.

– Ну, что, как отдохнул?

– Нормально, – ответил Кирилл односложно и Нина поняла, что на эту тему он говорить не хочет и перевела разговор:

– А что ты решил с тем делом?

Кирилл не стал говорить и на эту тему, а сразу перевел стрелки на Нину:

– Лучше ты расскажи, как твое знакомство с Мойдодыром?

Нина артистично вздохнула и начала:

– Ой, не спрашивай. Ничего хорошего не вышло.

Кирилл искренне удивился:

– Почему? Он оказался проходимцем?

– Нет, хуже. Он оказался слюнтяем.

– Что это значит?

– Короче, рассказываю с самого начала. В тот вечер мы со Светкой наготовили и накрыли стол. Это ее фраер собирался познакомить меня со своим другом. Звонок в дверь, открываем. На пороге стоят два типа не первой свежести, один, значит – Светкин, второй – стало быть мой. Я ожидала увидеть что-то облезлое, пузатое, но тот, который мой, – Нина подчеркнула слово «мой», – оказался очень подтянутым и каким-то помытым. Думаю, профессия главного банщика наложила свой отпечаток. И что ты думаешь он принес с собой? – спросила Нина.

– Веник! – предположил Кирилл.

– Да лучше бы веник! За его спиной висела гитара! Как потом выяснилось, он, узнав, что я из богемы, хотел сходу покорить меня всеми своими талантами. Для начала он стал налегать на водчку. А «Светкин» трепался без умолку, хваля «моего», а тот знай наливает и пьет! Мне даже слова ни разу не удалось вставить. И тут «Светкин» говорит: «А как наш Анатолий играет на гитаре и поет! А главное, все песни, музыку и тексты, он пишет сам! Толя, спой!» Я была в шоке. Я вообще терпеть не могу «костровые» песни, а тем более, самодеятельность старого банщика. «Мой», смущаясь, взял гитару и тут такое началось! Он играл и пел почти два часа не переставая. Спроси, что?! Не просто свои песни, а одну свою песнь песней, как киргизский «Манас» из ста сорока куплетов! И спроси на какую

тему?! А именно на тему его родной бани! Он посвятил по куплету каждой речке, которой обил свою баньку, каждому камешку, которым обложил сауну, каждой мочалке, каждому обмылку и пока последнюю шайку на рифму не повесил, не успокоился. Ты меня знаешь, я всякий бред могу вынести, но это было выше моих сил! Благо, он между куплетов, по-прежнему наливал себе и выпивал, соответственно, к концу своей поэмы, он наклюкался так, что почти замертво упал на тот же диван, на котором сидел. «Светкин», конечно, пытался мне объяснить, что Анатолий хороший, просто он впервые знакомится с женщиной «на стороне», поэтому для храбрости и напился. Я-то была несказанно рада, что мне не нужно было как-то с ним объясняться, взяла такси и укатила домой. Не везет мне в жизни! – добродушно закончила Нина.

Кирилл от души посмеялся.

Наконец, пришел запыхавшийся Борис Антонович с авоськами, из которых торчали бутылки с шампанским, фрукты, конфеты. Кирилл с Ниной тут же вышли и со всеми собравшимися сотрудниками начали кричать:

– Поздравляем! Поздравляем! Самый молодой и красивый дедушка на свете!..

– Боже, какой ужас! Ты уже дедушка! – С грустью заметила Нина, которая была ровесница Борису, но у которой еще не было ни мужа, ни детей.

– Ужас не в том, что я дедушка, а ужас в том, что сплю теперь с бабушкой! – ответил тот.

– Интересно, ты теперь уймешься, или все будешь продолжать совращать ровесниц своей дочери? – С деланной строгостью обратилась к Борису Антоновичу Нина.

– Ты с ума сошла, подруга, я собираюсь охмурять еще одноклассниц своей внучки! – с гордостью ответил тот, чем вызвал дружный смех.

– Бедная твоя жена, как же она тебя терпит? – Спросила Нина.

– А я в свое время ее предупредил: «Будешь вякать, отлучу от «могучей кучки».

Тут, молчавший до сих пор Кирилл заметил:

– Бедные Римский-Корсаков с Балакиревым! Думали ли они, что название их музыкального кружка, в последствии будет иметь такой смысл.

– А кто это такие? – спросила Леночка.

Кирилл уже пожалел, что бросил это замечание, но ничего не поделаешь, придется разъяснить молоденькой Леночке:

– В начале века пятеро известных русских композиторов организовали музыкальный кружок и назвали его «Могучая кучка». Их было мало, но все они были уже могучими композиторами, отсюда и название.

– Хватит ликбеза, – скомандовала Нина, – наливай!

– Кстати, а я и не знал о таком кружке, а «могучей кучкой» называю исключительно свои мужские достоинства, – удивляясь сказал Борис Антонович.

Тут уже Нина обрадовалась:

– Слушай, Борь, а ты бы хоть раз снял штаны, да показал, чем ты так гордишься!

Все покатались со смеху.

– Ты, что, сдурела, подруга? – удивился тот.

– А я подозреваю, что у тебя на самом деле вместо «могучей кучки» маленькая сморщенная пипеточка. Поэтому ты все время меняешь девиц, заметьте, очень молоденьких, которые толком нормальных членов-то не видели. А он им засрет мозги умностями, а потом «две минуты тык-тык-тык и час без памяти лежит». Потом бросает свидетеля своего позора и другую дуреху находит. Вот и слывет Казановой.

– Ой, Нинуль, не была б ты такой старой, показал бы я тебе за что меня любят.

– Ах ты мерзавец, ах ты подлец! Это я-то старая?! – беззлобно завелась Нина. – Это мне за заботу, за поддержку в твоих похождениях! В таком случае я тебя отлучу от своего дивана!

– Ну, что ты, что ты, милая, я ж любя! – Смешно засуетился Борис Антонович и, подойдя к Нине, стал ее тискать.

– Эй-эй, осторожней, помнешь самое драгоценное, что есть у украинской девушки, – щебетала Нина, выскальзывая из объятий Бориса Антоновича.

Все с любопытством посмотрели на нее.

– Портрет Кучмы, – сказала Нина, хлопнув себя по груди. – А вы что, гады, подумали?

Окружающие закатились дружным смехом.

Когда пиршество закончилось, Кирилл предложил Нине поехать к нему.

– У меня живет одна девочка, моя соседка по поселку, приехала учиться. Я хочу тебя с ней познакомить. Заодно поговорим о нашем деле. И... кстати, Артема нет. Он уехал в Питер.

Катя Нине понравилась сразу. Они быстро нашли общий язык и весь ужин болтали без умолку. Нина тут же начала называть Катю Котенком. Кирилл смотрел на них с умилением. Ему нравилось еще и то, что девушки почти не обращали на него внимания и от него не требовали внимания. Поэтому Кирилл спокойно мог предаваться собственным мыслям. Он уже начал скучать по Артему. Но эти муки он преодолевал воспоминаниями о его поведении с Кристиной. Тут же заводился, злился и убеждал себя в правильности своих действий.

– Я тебя отвезу, – сказал Кирилл, когда Нина собралась домой.

Проводив Нину, он решил поехать в клуб.

Первым делом Катя нашла платное учебное заведение иностранных языков с выдачей государственных дипломов, где можно было учиться по вечерам, чтобы днем работать. По объявлениям в газетах Катя поняла, единственно куда она могла устроиться на работу, это должность секретаря, но там нужны были навыки работы на компьютере. Поэтому Катя записалась на компьютерные курсы. Занятия в институте начинались, как и во всех ВУЗах, с первого сентября. Так что, до начала занятий она запланировала освоить компьютер и найти затем работу.

У Кирилла началась запарка со сдачей очередного номера журнала и еще он часто стал пропадать на каких-то переговорах. Иногда он исчезал на ночь. Катя продолжала ходить на курсы, тщательно занималась уборкой, вкусно готовила и всегда с улыбкой встречала Кирилла с работы. Когда он не ночевал дома, Катя почти не спала, представляя, как он останется у каких-нибудь барышень на ночь и обижаясь, что он даже не позвонит и не предупредит ее. Кирилл был очень доволен Катей. Она всегда радовалась когда он приходил и никогда ни о чем не спрашивала, когда он не приходил. У него исчезли заботы об уюте в доме и о готовки на кухне. Так они прожили до начала сентября.

Накануне перед первым учебным днем Катя ощущала некоторое волнение от того, что, наконец, идет учиться в московский ВУЗ. Она все приготовила к занятиям и жалела только о том, что занятия начнутся не с утра, а только вечером. Она закончила курсы и уже довольно сносно умела пользоваться компьютером. Но работу найти еще не могла – везде требовалась московская прописка, которой у нее не было.

Когда она об этом сказала Кириллу, он равнодушно отмахнулся:

– Ну и не работай. У тебя и по дому дел хватает.

Эти слова и обрадовали Катю, и озадачили. Ей было приятно, что она могла жить у него, не думая больше о переезде, но с другой стороны, он ведь в самом начале сказал о временном ее пребывании здесь, поэтому она боялась, что когда он решит, что пора уже съезжать, то она не будет к этому готова – не имея ни работы, ни прописки, ни денег. Так как ее думки ничего не меняли, она решила ни о чем этом и не думать, полагаясь на то, что жизнь сама распорядится, как должно.

– Завтра Артем приезжает, – сообщил Кате Кирилл перед сном.

– Он с нами будет жить? – спросила она.

– Да.

– Долго?

– Он всегда здесь жил. Просто уезжал, – ответил Кирилл и ушел к себе в спальню.

Катя толком не знала про Артема ничего, но, видимо, так надо, – решила она про себя и легла спать.

Кирилл тоже был взволнован в этот вечер. Почти месяц прошел, как Кирилл отправил Артема домой, но не было ни одного дня, чтобы он не думал о нем. Даже тогда, когда поехав в очередной раз в клуб, находил себе партнера и уезжал с ним переспать. За это время Кирилл в очередной раз понял, что ему трудно жить без Артема, он скучал по нему. Убедив себя, что скорее всего напрасно грешит подозрением о неверности и что нужно смириться со всеми недостатками, Кирилл решил позвонить Артему в Питер и вернуть его. Артем в свойственной ему манере молча выслушал извинения Кирилла и охотно сообщил, что приедет ближайшим поездом. Назавтра все должно встать на свои места – сердце Кирилла успокоилось.

Утром Кирилл поехал встречать Артема на вокзал. Когда тот вышел из вагона, Кирилл подошел и обнял его. Артем потерся щекой о щеку Кирилла и они простояли так какое-то время.

– Прости меня. Я бываю раздражительным, неуравновешенным. Ты же знаешь, я много работаю, устаю, – сказал Кирилл, когда они сели в машину.

Артем ничего не сказал, но наклонился и поцеловал Кирилла в мочку уха. Это растрогало его. По дороге домой, Кирилл вдруг остановился у ювелирного магазина и, сказав, что сейчас вернется, вышел из машины. Вернулся он минут через десять, держа в руках маленькую коробочку. Сев в машину, он открыл коробочку и достал оттуда два серебряных обручальных кольца. Взяв руку Артема, надел ему на палец одно из них, другое передал ему и протянул свою руку. Артем взял кольцо и надел его на палец Кирилла. Держась за руки, они поцеловались в губы долгим поцелуем.

Они решили вечером отметить свое обручение, но было только утро, поэтому Кирилл повез Артема по магазинам, купить что-нибудь новенькое из одежды. Почти целый день они проездили по городу, заезжая то в бутик, то в маленькие закусочные. Кирилл был за рулем и выпить не мог. Ближе к вечеру они заехали домой, Кати уже не было дома. Они переоделись и, оставив машину во дворе, взяли такси и поехали в ресторан.

Катя вышла из дома задолго до начала занятий, боясь опоздать. Поэтому, приехав очень рано, крутилась вокруг института больше получаса. Войдя в аудиторию, где должно было начаться первое занятие, Катя увидела, что в кабинете сидели несколько девушек. Парней

не было. После звонка, прибежала еще одна. Так, на курсе, где Катя должна была учиться, оказалось восемь девушек возраста до 25 лет. Почти все занятия были ознакомительными. Получив по всем предметам домашние задания, студентки пошли на выход. Все время Катя разглядывала однокурсниц, чтобы найти кого-нибудь с кем можно было подружиться. Этими надеждами и мечтами она жила еще когда только подала сюда документы. Ей хотелось с кем-нибудь общаться на равных, делиться своими проблемами. С Кириллом отношения были особые, а с Ниной, из-за разницы в возрасте и интересов, Катя не могла подружиться так, как ей бы хотелось. Разглядывая сокурсниц, Катя никак не могла придумать, как и к кому подойти, чтобы завязать знакомство. Природная робость и восприятие себя как провинциалки, мешали ей раскрепоститься. Так, решив, что определится в выборе подруги в следующий раз, Катя направилась к выходу. Она выходила вслед за девушкой, которая пришла на занятия последней. За ее спиной висел рюкзак, из которого торчал журнал «54». Катя чуть не вскрикнула от радости. Она знала, что кириловский журнал очень популярный, но впервые увидела реальную читательницу. Эта радость подтолкнула Катю на то, чтобы подойти к девушке с журналом и завязать разговор.

– Простите, вы тоже поклонница журнала «54»? – спросила Катя у нее.

Девушка обернулась и без улыбки вопросом на вопрос ответила:

– А что ты видела кого-то, кто не является поклонником «54»? – сразу перейдя на «ты».

Катя смутилась от недоброжелательности однокашницы и не знала, что делать дальше.

Та же невозмутимо продолжила:

– Я с первого номера покупаю этот журнал.

– Я тоже, – сказала Катя тихо.

– А что ты сконфузилась-то? – с недоумением посмотрела она на Катю, потом протянула руку, – ну, раз нам учиться вместе, давай знакомиться: я – Виолетта.

– Катя, – протянула она в ответ руку.

– Ты на метро? Пошли вместе! – скомандовала Виолетта и потянула Катю за собой.

– Нет, я могу на трамвае доехать, я живу недалеко.

– Пошли тогда до остановки.

Катя послушно последовала за волевой сокурсницей.

– Ты какая-то странная, приезжая что ли? – спросила Виолетта по дороге.

– А что видно?

– Сначала не видно было, только скромность твоя какая-то не московская.

А откуда ж ты?

– Из Иркутской области.

– У родственников живешь?

Катя заколебалась, не зная как определить Кирилла, потом, подумав, ответила односложно:

– Да.

Виолетте, видимо было уже не интересно дальнейшее развитие этой темы, поэтому она тут же перешла на тему журнала:

– Я вообще не могу больше ничего читать, кроме «54». И еще я должна тебе признаться, что влюблена в главного редактора журнала Кирилла Гордеева. Ты, наверное, тоже? У меня почти все знакомые влюблены в него!

Катя чуть не споткнулась на ровном месте от этой реплики.

– Он такой шикарный, правда? Красавец с дьявольским взглядом! – Виолетта глянула на Катю, ожидая поддержки разговора.

Но Катя следовала рядом молча, потупив глаза.

– Знаешь... – у Виолетты вдруг сверкнули глаза, – я ведь иногда... ну, да ладно, – что-то недоговорила она, увидев осторожный взгляд спутницы. – Жалко, что он голубой, я бы...

Катя встрепенулась как ужаленная и остановилась:

– Кто голубой?

– ... я бы все сделала, чтобы захомутать его. Впрочем, какая разница, я люблю голубых, все равно я его достану... – мечтательно продолжала Виолетта, не обратив внимание на реакцию Кати.

– Кто голубой-то? – Переспросила она Виолетту.

– Ну, а о ком мы сейчас говорим? – посмотрела Виолетта на Катю, как на слабоумную. – Ты что не знаешь? Гордеев – голубой, – невозмутимо ответила она. – Да ты что с луны свалилась? – и через некоторое время догадалась, – а-а, ты же приезжая. Я-то думаю, чего ты так удивилась...

– Но этого не может быть... – еле прошептала Катя.

– Как это не может быть? Да что тебе до этого? Ты что, замуж за него собираешься? Какая тебе разница? Все равно он – Бог! И как хорош!

Катю вдруг начало тошнить и она стала искать что-нибудь, о чем можно было бы облокотиться.

Только тут Виолетта увидела, что Катя побледнела и вся дрожит.

– Что с тобой? Ты что, заболела?

– Помоги мне поймать такси, мне что-то плохо, – еле слышным голосом попросила Катя.

Виолетта поняв, что это серьезно, быстро выбежала на дорогу и тормознула первую машину.

– Говори адрес, – скомандовала она, – тебя проводить?

– Нет-нет, спасибо, не надо. Я здесь недалеко живу, доберусь как-нибудь...

У Кати лихорадочно скакали мысли. Она никак не могла сконцентрировать внимание. Тошнота усиливалась, но Катя, собрав все силы, удерживала ее, чтобы не испачкать машину. Подъехав к дому, она выскочила из машины и, не успев добежать до подъезда, бросилась к кустам. Ее вырвало. В голове помутилось. Еле передвигая ногами, она открыла дверь квартиры и, только скинув обувь, не раздеваясь упала на свою кровать.

Было около десяти часов вечера. Катя была рада, что Кирилл дома не оказалось. Она теперь не знала, что и думать после всего того, что она узнала. У нее никак в голове не укладывалось то, что ей сообщила новая знакомая. Она не могла поверить в это и не хотела верить. Какое-то время она лежала с широко открытыми глазами, потом тихо заплакала. Маленькая надежда на то, что это может оказаться только сплетней из-за популярности Кирилл, немного успокоило Катю и она заснула.

Следующим утром она по привычке встала рано и пошла в ванную. По дорожной сумке, которая лежала в гостиной, она поняла, что приехал Артем. Он, должно быть, вчера еще приехал. Катя уже поняла, что оба они дома. Только теперь то, что Кирилл с Артемом спят в одной комнате и на одной большой просторной кровати, стало выглядеть по-другому. Только теперь до Кати начало доходить, почему Артем «всегда здесь живет». Ее опять начало мутить. Она долго стояла под душем, пытаясь отогнать все мысли, которые, перебивая друг друга, теснились в ее голове.

Выйдя из ванны, Катя хотела начать готовить домашнее задание пока Кирилл с Артемом спали. Но так и не смогла сосредоточиться. Зная, что они раньше полудня не встанут, она пошла на кухню готовить обед. Заглянув в холодильник и увидев, что еще вчерашний обед не съеден, Катя бессильно села на стул и, обхватив голову руками, опять заплакала. «Что же делать, что же мне теперь делать?» – стучало у нее в мыслях. «Домой, домой уехать... А что

потом? Как жить дальше?» Вдруг ей показалось, что скрипнула дверь, она быстро утерла слезы и пошла к себе в комнату. Катя опять села за учебники и тут вдруг, как будто протрезвела: «А что собственно произошло? Во-первых, то, что Кирилл голубой – это еще неподтвержденные слухи. Во-вторых, а что же я хотела, на что рассчитывала? Какое мне должно быть дело до того, кого любит Кирилл? Это только мои мечты завоевать Кирилла, а в его планы, кем бы он ни был, может это никак и не входит... В конце концов я приехала учиться, а не замуж за Кирилла выходить.» Немного успокоившись, она все же одолела задания и теперь не могла дождаться вечера, чтобы пойти на занятия и побольше расспросить Виолетту о Кирилле.

Когда мужчины встали, Катя по привычке накрыла на кухне, сидела и ждала. Она теперь только разглядела Артема. Он был высок ростом, может быть, даже чуть выше Кирилла. Явно моложе него, худ и бледен. В нем была юношеская привлекательность. Но, глядя на Кирилла, Кате все же казалось, что он намного красивее Артема, и притягательнее. Если Артем был очень томен и аморфен в поведении, то у Кирилла чувствовалась внутренняя сила, собранность и мужское достоинство. Артем ел медленно и вяло. Кирилл – очень сосредоточенно, быстро и с аппетитом. Катя наливала им чай, подкладывала блины и все время внимательно поглядывала на них. Кирилл же и Артем как будто и не замечали ее присутствия. Они не разговаривали ни с ней, ни друг с другом. Кате казалось это ненормальным, но первой нарушить молчание не осмелилась. Спасительно гремел только маленький телевизор, стоящий на кухонном рабочем столе.

Кирилл собрался и уехал на работу. Катя даже растерялась, оставшись впервые в одной квартире с малознакомым Артемом. Конечно, если бы не ее новое отношение к нему, то, может быть, она постаралась бы сразу найти с ним общий язык и сделать домашнюю атмосферу более свободной. Но тяжесть, от которой Катя, как ни старалась, не могла освободиться, не позволяла более раскрепощенно вести себя с новым для нее постояльцем. Артем после еды взял кипу журналов и лег с ними в гостиной на диване, включив телевизор. Уже потом опыт их совместной жизни показал, что это было почти постоянным его времяпровождением. Катя ощущала неуютно себя в квартире, где находился человек, который, зная, что им предстоит неопределенное время жить вместе, не пытается даже завести бытовые отношения. И она решила пораньше выйти из дома и до занятий прогуляться по Москве.

Стояла прекрасная, солнечная, теплая сентябрьская погода. Катя решила дойти до института пешком. Она еще не знала сколько займет времени ее путь от Новокузнецкой улицы до Новослободской, где находился ее институт, если она пойдет пешком. Но, посмотрев на часы, она увидела, что у нее в запасе больше двух часов. Этого времени было вполне достаточно, чтобы даже не зная дороги, с расспросами, дойти до института. Всю дорогу ее, конечно, не покидала мысль о Кирилле и о том, что ей сказала ее новая сокурсница. Катя раньше уже слышала о существовании голубых, но все ее представления о них сводились к тому, что это должны были быть женоподобные парни с грязным и развращенным прошлым и унижительным настоящим. Эти представления о гомосексуалистах стали разрушаться уже здесь, в Москве, с помощью телевидения. Время от времени ей попадались программы и передачи, где в той или иной степени касались голубых. В молодежных программах она узнавала о некоторых музыкантах и артистах с нетрадиционной сексуальной ориентацией. И эти факты несколько изменили Катини представления о геях, хотя она все равно не понимала, как и почему молодые мужчины становятся ими. Вспоминая Кирилла, Катя уж точно не могла его соотнести с голубыми.

Виолетта опять опоздала на первое занятие, поэтому Катя никак не могла дождаться перерыва. Теперь, внимательнее присмотревшись к новой знакомой, Катя увидела, что Виолетта – довольно симпатичная девушка с красивой фигурой и очень лукавым взглядом. Она была выше Кати, очень загорелая и модно одета. Короткая маечка облегалась, может быть,

несколько великоватые для ее хрупкого сложения, груди, а узкие бедра туго обтягивали белые укороченные джинсы. Кате понравилось в Виолетте сочетание светлых одежд с ее смуглым телом и хорошеньким личиком в причёске «карэ». Катя мысленно оглядела себя и подумала, что Виолетта не должна чураться ее, хоть и заметила в ней некоторую провинциальность. О том, что она хорошо знакома с Кириллом и даже живет с ним, Катя твердо решила не говорить Виолетте – Кате хотелось и больше узнать от нее объективной информации о Кирилле и в тоже время, не хотела, чтобы только из-за него Виолетта имела бы к ней интерес.

– Привет! – поздоровалась Катя с Виолеттой, подойдя к ней на перемене.

– А, привет! – Виолетта довольно равнодушно среагировала на появление Кати.

И Катя не знала дальше, как продолжить разговор. Виолетта не очень-то была приветлива и со скучающим видом перебирала свои бумаги. Катя растерялась. Она поняла, что ее новая знакомая не заинтересована в продолжении их взаимоотношений и сразу как-то сникла. Ей ничего не оставалось, как отойти к своему месту. До конца занятий Катя больше не решалась подойти к Виолетте, чтобы завязать разговор.

Всю дорогу домой Катя не могла успокоиться от того, что не получилось дружбы с Виолеттой, а главное, она ничего не смогла узнать о Кирилле.

Кирилл уже был дома и был в прекрасном расположении духа. Катя пригласила его и Артема пить чай. Они уже успели поужинать, поэтому Артем отказался, а Кирилл пришел. Катя все время мучалась тем, что сообщила ей вчера Виолетта и она хотела сама заговорить об этом с Кириллом. Пока Катя думала, как начать разговор, Кирилл первый нарушил молчание:

– Я через несколько дней еду в Иркутск. Думаю, что мне удастся заехать к маме. Если тебе не трудно, купи каких-нибудь подарков, я тебе денег оставлю. Своей маме можешь тоже что-нибудь купить.

Потом внимательно посмотрел на напряженно молчащую Катю и спросил: – С тобой все в порядке?

Катя сидела, опустив голову. Кирилл выжидал. После продолжительной паузы, Катя сдавленным голосом произнесла:

– Я вчера познакомилась со своей сокурсницей. Она сказала про тебя ужасную вещь...

Кирилл искренне удивился и вопросительно посмотрел на нее.

– Продолжай...

Катя собралась с духом и сказала:

– Она говорит, что ты – голубой...

Зависла еще более тяжелая пауза. Кирилл молчал. Катя подняла на него глаза и спросила:

– Это ведь неправда?

Кирилл не сразу, но ответил:

– Это неправда.

Катя внутренне как будто камень с души сбросила. А Кирилл тут же встал и вышел из кухни. «Какая же я дура, – думала про себя Катя. – Как я могла с ходу поверить ужасающей сплетне от первого попавшегося мне человека? Боже, я еще и Кирилла, наверное, обидела. Как я могла спросить у него об этом?» И с такими мыслями она отправилась к себе в комнату. Ей было стыдно, что вызвала Кирилла на такой неприятный разговор и не знала теперь, как себя вести.

На следующий день, увидев, что Кирилл ведет себя по-прежнему, явно не придав никакого значения вчерашним событиям, Катя успокоилась и с радостью отправилась по магазинам покупать подарки.

В институте она больше не подходила к Виолетте и старалась ее даже не замечать. Она была Кате неприятна из-за того, что распространяет дурные слухи о Кирилле – ведь и Катя для Виолетты была первым встречным человеком и она тут же поделилась с ней дурацкой информацией.

Дома же было все как прежде. Кирилл очень много работал, приходил поздно, но при этом сохранял приподнятое эмоциональное состояние. Из телефонных разговоров Катя поняла, что Кирилл занимается еще чем-то серьезным, кроме своей работы. И поездка в Иркутск была связана именно с этим.

Катя сосредоточилась на своей учебе. Она хотела во всем соответствовать Кириллу – прилежно учиться, хорошо вести домашнее хозяйство и вкусно готовить. Ее, правда, немного обижало, что Кирилл не очень интересуется ею, не спрашивает о ее учебе, не хвалит за уют и приготовленную пищу. Но, объяснив все его занятостью, перестала об этом думать. Единственное, что ее с некоторых пор стало беспокоить, это – Артем. Катя все равно не могла освободиться от неприязни при виде этого молодого человека. Она никак не могла для себя растолковать, почему Артем «всегда живет здесь», почему ничего не делает и почему Кириллу это устраивает. Кем является Артем для Кирилла? Друг? Они почти не разговаривают. Иногда поздно вечером вместе уходят в клуб и больше ничего их, казалось, не связывает. И еще одно обстоятельство напрягало Катю. Когда Кирилл уходил на работу, днем, до вечерних занятий, она с Артемом оставалась одна в квартире. Он почти всегда молчал, но при этом он как-то странно на нее поглядывал. Сидели ли они вместе на кухне за чаем, убирала ли она комнату, где он находился, Катя все время чувствовала на себе его пронзительный взгляд, от которого у нее иногда мурашки пробегали по коже. Но если дома находился Кирилл, Артем ни разу не позволял себе даже мельком взглянуть на нее. Это она обнаружила, анализируя про себя поведение Артема.

Однажды, пылесосила гостиную, где, как обычно, на диване возлегал Артем, Катя опять почувствовала на себе этот долгий пристальный взгляд и, обернувшись к нему, в упор спросила:

– Ты хочешь о чем-то со мной поговорить?

– Нет, не хочу, – ответил он почему-то с усмешкой.

Катю это очень разозлило – она так и не могла понять, что же он так на нее уставился. И теперь, когда день отъезда Кирилла приближался, она с возрастающим неприятием думала о том, что ей придется жить почти целую неделю вдвоем с Артемом.

Кирилл серьезно готовился к поездке в Иркутск. Вся эта история начала его увлекать. Он все время встречался с людьми, которые занимались подготовкой его предвыборной кампании. Утверждал списки исполнителей, которые должны были участвовать в концерте. А когда речь зашла о телевизионных роликах, то он, напомним о своем режиссерском образовании, сам начал их придумывать и снимать. Теперь, помимо журнала, которым он не переставал заниматься, Кирилл все время пропадал в видеомонтажной, отсматривая по несколько часов различные видеоролики различных предвыборных кандидатов. Ему предстояло придумать и написать сценарии, а потом снять и смонтировать свои ролики. Это его сильно захлестнуло и он все время ходил на эмоциональном подъеме. До поездки в Иркутск, где ему предстояло провести первый концерт, дать несколько интервью в областные газеты, радио и телевидение, а также кое-что поднять для предвыборных роликов, оставалось несколько дней и за это время ему нужно было еще и очередной номер журнала сдать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.